

9 2
1549

Смерть немецким оккупантам!

ЗВЕРСТВА НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1943

«Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истреблять советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них. Они насилюют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер. Они задались целью обратить в рабство или истребить население Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Кавказа. Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей... Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов».

Сталин.

9 $\frac{2}{1549}$

193

43

Немец

Фридрих Шмидт был секретарем тайной полевой полиции 626-й группы при I танковой армии германских вооруженных сил. Таково его звание. Секретарь вел дневник. Он начал его 22 февраля 1942 года, а закончил 5 мая. Дневник он вел в Буденновке, близ Мариуполя. Вот выдержки из дневника Фридриха Шмидта:

«25 февраля. Я не ожидал, что сегодняшний день будет одним из самых напряженных дней моей жизни... Коммунистка Екатерина Скороедова за несколько дней до атаки русских на Буденновку знала об этом. Она отрицательно отзывалась о русских, которые с нами сотрудничают. Ее расстреляли в 12.00... Старик Савелий Петрович Степаненко и его жена из Самсоновки были также расстреляны... Уничтожен также четырехлетний ребенок любовницы Горавилина. Около 16.00 ко мне привели четырех восемнадцатилетних девушек, которые перешли по льду из Ейска... Нагайка сделала их более послушными. Все четверо — студентки и красотки... В переполненных камерах кошмар...

26 февраля. События сегодняшнего дня превосходят все мною пережитое... Большой интерес вызвала красотка Тамара. Затем привели еще шестерых парней и одну девушку. Не помогали никакие уговоры, никакие самые жестокие избиения нагайкой. Они вели себя чертовски! Девушка не проронила ни слезинки, она только скрежетала зубами... После беспощадного избиения моя рука перестала действовать... Я получил в наследство две бутылки коньяку, одну от лейтенанта Коха из штаба графа фон Ферстера, другую от румын. Я снова счастлив. Дует южный ветер, начинается оттепель. Первая рота полевой жандармерии в трех километрах севернее Буденновки поймала пятерых парней в возрасте семнадцати лет. Их привели ко мне... Началось избиение нагайкой. При этом я разбил рукоятку на мелкие куски. Мы избивали вдвоем... Однако они ни в чем не сознались... Ко мне привели двух красноармейцев... Их подвергли избиению. «Отделяваю» сапожника из Буденновки, полагавшего, что он может себе позволить выпады против нашей армии. На правой

руке у меня уже болят мускулы. Продолжается оттепель...

1 марта. Еще одно военное воскресенье... Получил содержание 105 марок и 50 пфеннигов... Сегодня снова обедал у румын. Я замечательно пообедал... В 16.00 меня неожиданно пригласили на кофе к генералу фон Ферстеру...

2 марта. Мне не по себе. Внезапно у меня начался понос. Я вынужден лежать...

3 марта. Допрашивал лейтенанта Пономаренко, о котором мне доложили. Пономаренко 2 марта был ранен в голову, бежал в колхоз имени Розы Люксембург, там переоделся и скрывался. Семья, укрывшая Пономаренко, сначала лгала. Я, разумеется, избил их... Вечером снова ко мне привели пятерых из Ейска. Как обычно, это — подростки. Пользуясь своим уже оправдавшим себя упрощенным методом, я заставил их сознаться: я пустил, как всегда, в ход нагайку. Погода становится мягче.

4 марта. Прекрасная солнечная погода... Унтер-офицер Фойгт уже расстрелял сапожника Александра Якубенко. Его бросили в массовую могилу. У меня все время ужасно чешется тело.

6 марта. Я пожертвовал 40 марок в фонд «зимней помощи»...

7 марта. Мы живем еще хорошо. Получаю масло, яйца, кур и молоко. Ем каждый день различные закуски... В 16.00 ко мне снова приводят четырех молоденьких партизан...

8 марта. Унтер-офицер Шпригвальд и фрау Рейдман вернулись из Мариуполя. Они привезли почту и письменный приказ Грошеку о расстреле... Сегодня я уже расстрелял шестерых... Мне сообщили, что из Веселого прибыла еще одна семнадцатилетняя.

9 марта. Как улыбается солнце, как сверкает снег, но даже золотое солнце не может меня развеселить. Сегодня трудный день. Я проснулся в три часа. Мне приснился страшный сон, это потому, что я должен сегодня укокошить тридцать захваченных подростков. Сегодня утром Мария мне приготовила аппетитный торт... В 10.00 ко мне снова привели двух девушек и шестерых парней... Мне пришлось беспощадно избить их... Затем начались массовые расстрелы: вчера шестерых, сегодня тридцать три заблудших создания. Я не могу кушать. Горе, если они меня поймут. Я больше не могу себя чувствовать в безопасности в Буденовке. Бесспорно, что меня ненавидят. А я должен был так поступать. Если бы мои родные знали, какой трудный день я провел! Ров уже почти наполнен трупами. И как героически

умеет умирать эта большевистская молодежь! Что это такое — любовь к отечеству или коммунизм, проникший в их плоть и кровь? Некоторые из них, в особенности девушки, не проронили ни слезинки. Ведь это же доблесть! Им приказали раздеться догола (одежду нам надо продать)... Горе мне, если меня здесь поймают!

11 марта. Низшую расу можно воспитать только поркой. Рядом с моей квартирой я построил приличную уборную и повесил большую вывеску, что пользование уборной гражданским лицам воспрещается... Напротив моей спальни находится канцелярия бургомистра, куда утром приходят рабочие, занятые на земляных работах. Несмотря на объявление, они пользуются уборной. А как я их за это избиваю! Впредь я буду за это расстреливать.

13 марта. Вследствие чрезмерной работы я уже давно не писал домой. Собственно говоря, у меня и нет желания писать своим — они этого не заслужили... Я приказал избить русского — ему 57 лет — и его зятя за непочтительное выражение по адресу немцев. Затем я пошел к румынскому полковнику...

14 марта. Снова наступили сильные холода. У меня опять понос и боли в области сердца. Я приказал позвать врача... Он поставил диагноз: расстройство желудка и невроз сердца... Сегодня я приказал расстрелять Людмилу Чуканову семнадцати лет. Я должен убивать подростков, вероятно поэтому у меня нервное состояние сердца.

17 марта. Моя первая работа с утра — приказал привезти на телеге из госпиталя пятого русского парашютиста и тут же перед массовой могилой расстрелял его. Я мирно прожил этот день. После обеда совершил прогулку. Земля подмерзла.

19 марта. Я слег. Приказал пригласить нашего военного врача. Он выслушал и нашел, что у меня сердце в порядке. Он констатировал душевную депрессию. Против запора он дал мне пилюли, а против зуда — мазь... У нас хорошая свинья, Мы заказали колбасы.

21 марта. Такого страшного дня в Буденновке мы еще не переживали. Вечером появился русский бомбардировщик, он сбросил осветительные ракеты и затем двенадцать бомб. Окна в рамах звенели. Можно себе представить, какое у меня было чувство, когда я, лежа в кровати, слышал гудение самолета и разрывы...

23 марта. Сегодня я допрашивал одну женщину, которая обокрала мою переводчицу фрау Рейдман. Мы ее высекли по голому задку. Потом я гулял по деревне и зашел к нашему мяснику, который готовит мне колбасы... Затем я допросил

двух парнишек, которые пытались пройти по льду к Ростову. Их расстреляли как шпионов. Затем ко мне привели еще одного паренька, который несколько дней тому назад пришел по льду из Ейска... Между тем мне приносят ливерную колбасу. На вкус неплохо. Я хотел высечь одну комсомолку...

27 марта. Ночь прошла спокойно... Я допрашивал двух четырнадцатилетних мальчиков, которые бродили в окрестностях. Приказал избить одну женщину за то, что она не зарегистрировалась.

28 марта. Пошел в гости к полковнику арbeitsфюреру Вейнеру. В 18.00 я приказал расстрелять мужчину и женщину, которые пытались пройти по льду...

1 апреля. Получил 108 марок в рублях — большая пачка денег. Валя снова массирует и купает меня...

10 апреля. Солнце печет. Когда утром Мария раскрывает окно, яркие лучи солнца освещают мою кровать. У меня вспух нос. Мария ищет на мне вшей. Лед прошел, и теперь нам угрожают только самолеты. Я снова подверг порке нескольких девушек и парней, за то что они пропустили регистрацию. Среди них — дочь старосты. Неприятное чувство я испытываю, когда начинает темнеть, — я тогда думаю о бомбардировщиках.

11 апреля. Все рады моему приходу. Со мной обращаются, как с царем. Мы хорошо ужинаем и пьем водку...

12 апреля. Каждое утро я пью горячее молоко и кушаю омлет... Работы стало меньше... Мы теперь работаем только в местных масштабах. Наказания — или порка, или расстрел. Чаще всего я провожу порку по голым ягодицам.

16 апреля. Сегодня спокойный день. Разрешил только спор между старостой и начальником милиции, а потом избил трех мужчин и одну женщину, которые, несмотря на запрещение, пришли в Буденновку в поисках работы... Затем я избил еще одну бабу, военную; она призналась, что была санитаркой... От румын я получал несколько раз водку, папирсы и сахар. Я снова счастлив. Наконец-то Грошек дошел до того, чтобы представить меня к награждению крестом с мечами второго класса за военные заслуги, и я награжден.

17 апреля. Девушки (Мария, Анна, Вера) поют и играют возле моей кровати... Вечером пришли с новостью, пошел с переводчиком, чтобы выяснить дело на месте. Бабы сплетни. Я высек двух девушек у себя на квартире по голым ягодицам...

18 апреля. Дождливый, пасмурный день. Я вызвал много девушек, которые неодобрительно отзывались о тайной полевой полиции. Я их всех высек».

Я заканчиваю выдержки из дневника секретаря тайной полевой полиции Фридриха Шмидта. С трудом я переписывал страшные строки. Кажется, во всей мировой литературе нет такого презренного злодея. Он расстреливает подростков, и он боится самолета. Это жалкий трус. Он не может вечером уснуть от мысли, что прилетят бомбардировщики. Это настоящий породистый немец. Ему не напрасно дали крест с мечами за военные заслуги, — ведь он отважно истязал русских девушек. Он даже храбро убил четырехлетнего ребенка. Поганый трус, который мучается от мысли «А вдруг поймают?» От страха у него делаются чесотка и понос. Педантичный немчик, он записывает, сколько яиц он съел, скольких девушек расстрелял и как у него перемежаются запор с поносом. Грязная тварь, он хочет гадить в уборной для высшей расы. Это блудодей и садист, который восторженно признается: «Высек много девушек». У него нет ни одного человеческого чувства. Он не любит своих родных. Он даже не нашел ни одного теплого слова для своей проклятой Германии. Он пишет с восторгом только о колбасе, палач и колбасник. Он жадно считает деньги, которые получает за свою работу палача, считает марки и пфенниги, рубли и копейки. На одну минуту что-то озаряет этого бешеного скота: он видит, с каким героизмом переносят пытки русские юноши и русские девушки, и он в страхе спрашивает: «Что это?» Зверь, ослепленный светом человеческого превосходства!

Дневник секретаря тайной полевой полиции — исключительно важный документ. Правда, и прежде мы читали чудовищные приказы о расстрелах. Правда, и прежде в дневниках немецких солдат мы находили записи об убийствах и пытках. Но то были сухие справки. Здесь немец сам себя изобразил во весь рост. Здесь немец предстал перед миром таким, каким он есть.

Я прошу иностранных журналистов передать дневник секретаря тайной полиции во все газеты свободолюбивых стран. Пусть узнают о работе Фридриха Шмидта англичане и американцы. Пусть узнают о ней граждане нейтральных стран. Немец-завоеватель, кавалер креста с мечами, ближайший сотрудник графа фон Ферстера должен обойти земной шар.

Я прошу читателей, граждан нашей прекрасной, честной и чистой страны, внимательно прочитать записи немца. Пусть еще сильнее станет их ненависть к гнусным захватчикам. Эти строки не дадут уснуть ни одному советскому человеку. Он увидит перед собой палача с чесоткой, палача, который ломает рукоятку нагайки о нежное тело русской девушки,

он увидит немца-колбасника, торгаша, который торгует бельем расстрелянных, он увидит убийцу четырехлетнего ребенка. Рабочие, работницы, дайте больше снарядов, мин, пуль, бомб, больше самолетов, танков, орудий — миллионы немцев, таких же, как Фридрих Шмидт, рыщут по нашей земле, мучают и убивают наших близких.

Я прошу читателей, командиров и бойцов нашей доблестной Красной Армии прочитать дневник немца Фридриха Шмидта. Друзья-войны, помните, что перед вами Фридрих Шмидт. Ни слова больше. Только — оружием, только — насмерть, всех до последнего! Прочитав о замученных в Буденновке братьях и сестрах, поклянемся: фашистские изверги не уйдут живыми — ни один, ни один!

«Красная звезда» от 11 октября 1942 г.

Илья Эренбург

О немецком садизме

В маленьком тихом немецком городке Мюнстербурге жил старый холостяк по имени Денке. Он любил розы и капусту. Жители городка считали его добродушным, безобидным человеком. Однажды в 1924 году из этого уютного домика с дикими криками выскочил человек в разодранной одежде. Он вопил, что его хотели убить, и убить хотел не кто иной, как сам Денке. Выбежавший оказался нищим, которого пригласил в домик Денке. Его забрали в полицию и сначала не поверили ему, решили, что он возводит поклеп на тихого старичка. Но он так клялся и так подробно рассказывал о том, как его душил Денке, что старичка под ропот его соседей пришлось арестовать. В тюрьме он повесился.

Тогда пришли в его домик и там обнаружили, что всю жизнь в Мюнстербурге жил людоед. Он жрал людей. Он сожрал уже около тридцати человек. Убивал он с садической немецкой аккуратностью. Он завел специальный гробсбук, куда по графам заносил все сведения о жертвах. Он записывал день рождения, местожительство, занятие сожранных. Он взвешивал их и заносил по графам: мертвый весит 122 килограмма, голый — 107, выпотрошенный — 83. Из кожи он делал подтяжки и переплеты для книг своей библиотеки, из костей точил пуговицы и шахматы. Мясо он солил, кормил свою собаку, ел сам и продавал под видом свинины своим согражданам. Зубы он коллекционировал: задние клал отдельно от передних, плохие отдельно от хороших. Все это он хранил в банках и пакетах. И все считали его мечтательным, спокойным немецким чудачком. А этот

чудак устраивал кровавые пиршества, потрошил людей, как кур.

Жажда зверства, овладевшая им, все росла и росла. Он не мог остановиться. Если бы ему позволили, он сожрал бы всех жителей городка. И это было не в средние века. Это было менее двадцати лет назад.

Менее двадцати лет назад кровавый фашизм начал свою людоедскую работу так же подземно, тайно, как Денке. Потом он вышел наружу. Разве фашистская Германия Гитлера со своим «государственным» садизмом, со своей жаждой крови, зверств, казней не похожа на этого людоеда? Разве она не имеет своих гроссбухов, куда тщательно записываются ее жертвы? Она записывает все невольничьи кости покоренных народов, она записывает «пушечное мясо» своих вассалов и тощее мясо рабов, привезенных на невольничьи рынки Германии, где их взвешивают в одежде и голыми (как это делал Денке), прежде чем присудить к распределению на уничтожающей каторжной работе. Она, эта фашистская Германия, ставит своей задачей истребление целых народов. И она, как Денке, притворялась годами, пыталась изображать мирную страну, увлеченную повседневной работой. Туристы приезжали любоваться сентиментальной тишиной романтической страны. В один прекрасный день людоеды Гитлера ворвались в дома соседей, перешли все границы и начали кровавую вакханалию.

И тогда все увидели, что это — страшное племя садистов, которое долго обманывало мир и, наконец, явилось открыто со своими требованиями на мировую власть. «Третья империя» Гитлера воспитала все садистские инстинкты немцев, доведя их до умоисступления. Один из помощников фюрера, Раушнинг, писал об этих людях: «Растет поколение, для которого все человеческое является чуждым. Люди, которые созданы, как какие-то патентованные машины, люди, у которых моральные сдерживающие центры отсутствуют и духовная личность которых парализована, — животные, живущие лишь текущим моментом, без будущего и без надежды, и специально созданные для этого, как живые совокупности мышц и нервов».

Садизм всегда сидел в существе немецкого характера, но его прятали, как прячут идиотов или сумасшедших. Он изредка вырывался наружу. А теперь он получил полные права.

Извращения, жившие в немецком быту, были известны издавна. Еще в девяностых годах прошлого века Октав Мирбо привел свою встречу с французом, долго жившим в Германии. Этот француз говорил: «Немцы по натуре педан-

тичны, бестактны, безвкусны, и у них самый разврат происходит по правилам науки».

Мы помним немецких лейтенантов, описанных Мопассаном и Золя, которые из садизма закладывали маленькие мины под горки фарфора и садически издевались над оккупированными жителями. В немецкой дисциплине, тупой и идиотской, нашло свое отражение это садическое чувство покоряться кнуту, окрику, палке, благоговеть перед топором палача, падать в пыль перед обожествленным фюрером, обожествлять какую угодно власть держиморд и убийц, увешанных орденами и украшенных мишурой.

Раствление шло отовсюду. Современный председатель фашистского союза писателей Ганс-Гейнц Эверс печатно признавался, что писатель — это проститутка, которая служит кому угодно за деньги.

Немецкий садизм был смешен с палаческой сентиментальностью. Если Денке любил нюхать розы, после того как сжирал очередного немца, то Гитлер увлажненным взглядом смотрит на клетку в Берхгесгадене, где у него поют за решеткой восемьдесят птиц, свезенных из разных стран. Этот палач плакал, когда одна из пленниц околела. Люди для него — навоз, немецкая грязь, из которой он лепит все, что ему угодно, а птички — это неведомые создания. Ах, птички! Околевшей птичке он велел поставить памятник.

Если Денке был суеверен и боялся разбитого зеркала, то людоед Гиммлер, бледный, как вампир, с накрашенными губами, молчаливый, как застенок, имеет одну странность — это цифра «три». Он должен за столом сожрать три яблока, три картофелины, иметь при себе три носовых платка, вызывать трех палачей-сотрудников, если ему нужно убить одного. Суеверие обязывает. Он пьет в день три стакана бычьей крови.

Весь фашистский сброд подражает кровожадности и садизму своих фюреров. В концлагерях излюбленным приемом издевательства служит шутка такого рода. Долго содержавшемуся в заключении и прошедшему небывалые издевательства человеку объявляют, что его выпустят. Он должен пройти ряд формальностей, прежде чем ему вручат бумагу об освобождении. Несчастный несколько дней живет мечтой о ждущей его свободе. Потом, достаточно натешившись над ним, ему объявляют в самой грубой форме, что никто не думает его освобождать, и издевательства еще более усиливаются. Палачам доставляет садическое удовольствие применять все чудовищные пытки, все способы глумления над своими жертвами.

Всеми миру теперь известно, как эти людоеды и садисты

расправляются с населением захваченных ими городов и сел в Европе и у нас. Виселицы, расстрелы, костры—это только широкая часть их программы. Они вырезают ремни из спины своей жертвы, они забивают гвозди в голову. Насилюя женщин и девушек, отрезают им груди и носы, распарывают животы, сажают людей на кол, раздирают танками, дают грузовиками. Они посылают женщин на минные поля, называя это садически «миноискатель» образца 1942 года. Они убивают на весу из пистолета грудных детей, подняв их над колыбелью.

Загнав в публичный дом девушек, они устанавливают плату: пять марок за посещение. Две марки они высчитывают за содержание своей жертвы, три — на зимнюю помощь германской армии. Их новоявленные помещики, которым дарятся крепостные — колхозные крестьяне, говорят крестьянину, который, по их мнению, уклонялся от работы: пойдн в лес, вырубн палку, этой палкой я буду тебя бить. И когда несчастный приносит палку — он не может не принести, иначе садист убьет всю его семью, — немец говорит, что эта палка плохо обстругана. Надо ее получше обстругать, чтобы он, палач, не поцарапал своих рук.

Старуха, у которой лисица украла курицу, пришла сказать об этом, так как не могла больше доставлять яйца немецкому палачу. Немец сказал сочувственно: «Лисица съела курицу. Ай, ай, ай! Пойди в комендатуру, тебе дадут другую». Он написал записку, и старуха шла десять километров до комендатуры, где садист другого ранга, прочитав записку, избил старуху до потери сознания.

Эти садисты всюду одинаковы. В Варшаве они под видом раздачи хлеба населению кидали в грязь куски хлеба и снимали изголодавшихся людей, бросавшихся за хлебом в грязь. В Двинске они отравили множество детей, сказав, что на них жалко пуль. Перед этим они расстреляли их родителей. В Париже они сняли все памятники под видом поисков металлического лома. Этим они хотели поразить садически французов, уязвить их национальное чувство, унижить их гордость, уничтожая памятники лучшим представителям французского народа.

Они добивают своих раненых, чтобы не возиться с калекми. Между Норвегией и Германией постоянно курсирует пароход «Гитлер». Это — госпитальное судно, перевозящее раненых в Норвегию. Но пароход всегда приходит пустым. На него грузят тяжело раненных, которые находят свое успокоение на дне пролива в ночь переезда. Это страшный пловучий дом смерти.

Садисты громят Ясную Поляну и домик Чайковского, оскверняют могилу Шевченко, разрушают дворцы под Ленинградом и старые памятники древности русского народа.

Для этих скотов не существует человеческих чувств. С каким-то особым палаческим сладострастием они пытаются детей и женщин, раненых и больных. Будь жив Денке, людоед из Мюнстербурга, он был бы у них не последним человеком.

Чудовищные преступники уничтожают все живое на нашей земле. Все, что было болезненно-преступного в немецком народе, всплыло наверх, получило жуткую власть, называемую фашизмом. Неутолимая потребность рвать человеческое мясо, крошить человеческие кости, с визгом упоения слушать стоны своих жертв живет в этих человекоподобных, которые называются немцами. Эти людоеды имеют чины, раздают друг другу ордена за преступления против человечества, «организовывают» имения, говорят о будущем владычестве над всем миром. К садическому бреду присоединяется бред сумасшедшего. Весь мир кажется им застенком, где они купаются в крови.

Римский император Каракалла, человек преступный и разнужданный, устав от казней, пресыщенный ими, воскликнул: «Как жаль, что человечество не имеет одной головы. Я бы отрубил ее, одним ударом кончил все разом!» Немецкие садисты против быстрого истребления. Они хотят мучительными, долгими казнями и истязаниями истребить народы. Им надо наслаждаться пытками, длить их, взвешивать мясо своих жертв, пилить их кости, употреблять их в хозяйстве, как Денке, у которого ничего не пропадало даром: из кожи выходят неплохие подтяжки, из остатков кожи — шнурки для ботинок.

Этот страшный мир палачей-садистов должен быть уничтожен. Не может быть пощады бешеной собаке, бросающейся на людей. Но они в тысячу раз опаснее, хуже, отвратительнее бешеного зверя. Они — сумасшедшие особого вида, им нет места ни в одной больнице, их место — в могиле, в неизвестной яме. И чем скорее, тем лучше. Их нужно истребить без остатка. Людоед Денке повесился. Эти не повесятся. Их нужно кончить самим, иначе они сожрут половину человечества, чтобы пытать другую безнаказанно.

Во имя человечности нужно истребить фашистских людоедов во главе с их кровожадными главарями, чтобы не оставалось и следов этой страшной заразы, не имеющей подобного во всей мировой истории.

Изверги

В Брянске перед зданием гестапо

Вот что рассказал мне венгерский военнопленный.

В Брянске из здания гестапо немецкие солдаты прикладами выгоняли небольшую группу людей. Люди — русские. Женщин больше, чем мужчин. Руки у них связаны за спиной, одежда изорвана, лица в крови. Этих людей истязали фашисты.

Одну из женщин солдаты вели отдельно от других. Лицо ее тоже сплошь в крови, черты лица с трудом можно разобрать.

Солдаты вытолкали ее через ворота на улицу. Женщина с завязанными за спиной руками потеряла равновесие и упала. Тогда солдаты пинками заставили ее встать.

Она шатаясь встала, с трудом держась на ногах, и, казалось, едва дышала от смертной муки.

К ней подошел высокий плечистый обер-лейтенант штурмовик в парадной форме и что-то спросил у нее. Женщина стояла безмолвно. Офицер повторил вопрос. Женщина не ответила, подняла голову и посмотрела в упор в глаза офицеру.

Офицер отвел глаза, стал кричать. Он схватил женщину за волосы, рванул к себе, свалил с ног.

Она упала, сильно ударившись, и несколько секунд лежала на земле неподвижно, потом села на мостовой. Офицер оставил ее и подошел к небольшой группе русских. У них он тоже спросил что-то. И по движению их голов и по тому, как пожимали плечами русские, можно было понять, каков ответ на его вопрос.

Офицер ходил взад и вперед. Он ждал чего-то, и каждый раз, когда он проходил мимо сидящей на земле женщины, он бил ее своим хлыстом. Слышно было, как хлыст рассекает кожу. Женщина сидела, свесив голову, опираясь руками о землю, и молчала — ни крик, ни стон не сорвались с ее губ.

На улицу прибыли два грузовика. Шоферы вытянулись перед офицером и выслушали его приказание. Потом одна из машин справа, другая слева подошли к сидящей на середине улицы женщине.

Она терялась между большими грузовиками. И солдаты ближе подогнали к машинам группу русских пленников. Фашисты хотели, чтобы они видели мучения своего товарища и устрашились.

Принесли веревки. Солдаты связали руки и ноги женщины

и концы веревок привязали к осям задних колес автомобилей...

И одна из машин медленно, совсем медленно пришла в движение, и веревки медленно натягивались. Сначала женщина повалилась на землю, а потом ее подняло до уровня колес.

В этот момент офицер остановил машину. Натянутая веревка ослабела, хотя и не давала телу женщины опуститься на землю. Его мотало в разные стороны. А женщина молчала. Был ли то глубокий обморок? Нет, по лицу ее пробежала судорога, и в глазах, широко открытых, неугасимо, казалось, горел огонь ненависти и презрения.

Кто эта женщина? Партизанка? Обыкновенная гражданка? — Советская женщина.

Обер-лейтенант штурмовик в парадной форме подошел к ней. Он снова спросил у нее что-то, два раза спросил. Женщина не отвечала. Взбешенный палач накинулся на свою жертву, хлыст засвистал в воздухе, опускаясь на тело, на лицо женщины.

Наконец, офицер устал от истязаний, он закурил и все смотрел на свою жертву, на молчаливую советскую женщину.

Только тогда закричала она страшным, сердце потрясающим криком, когда грузовики по приказу офицера пришли в движение в разных направлениях и привязанные к их осям крепкие веревки вырвали обе руки женщины и разорванное на две части тело ее упало на землю...

А обер-лейтенант в парадной форме подошел к окруженной солдатами небольшой группе людей с завязанными за спиной руками и продолжал их расспрашивать. По тому, как они отрицательно качали головами, можно было понять их ответ. И тогда снова приблизились два грузовика и шоферы предстали перед офицером и выслушали его приказание...

В деревне близ Харькова

И еще рассказал венгерский военнопленный. На одну из деревень около Харькова немцы наложили продовольственную контрибуцию. Ограбленное население голодало и не в состоянии было, да и не хотело исполнить требование. Немцы взяли заложников, и так как мужчин в деревне уже не было, выбрали трех женщин — матерей красноармейцев. Отдали приказ повесить их.

Названия деревни пленный не помнил. Он сказал лишь, что деревня в две улицы расположена вдоль речки, перед ее выбеленными домами растут акации.

Немецкие солдаты привязали веревки к одной из толстых

ветвей акации, поставили под деревом стол и, понукая, толкая женщин, заставили их влезть на стол.

Это были пожилые женщины, почти старухи. Помогая друг другу, они влезли на стол. И пока палачи возились с веревками, женщины, осторожно двигаясь на маленьком пространстве стола, обнимали и целовали друг друга, а потом на прощание поклонились своим односельчанам, которых пригнали немецкие солдаты, чтобы заставить их быть свидетелями казни. И спокойно, подчиняясь неизбежной судьбе, стояли и ждали смерти три старые женщины, три матери бойцов Красной Армии. Немецкий унтер толчком ноги выбил стол из-под ног казнимых.

Трупы и на третий день все еще висели на цветущей акации перед выбеленным украинским домом. Ветер повернул тела замученных лицом на восток, откуда украинский народ ждет прихода советских бойцов — мстителей и освободителей.

«Правда» от 21 сентября 1942 г.

Зольтан Вейнбергер

Смерть Лиды Панковой

К именам героев, отдавших свою жизнь за родину, прибавляется еще одно — светлое имя девятнадцатилетней комсомолки-партизанки Лидии Панковой.

Немцы творили кровавую расправу в селе Стеклянная Радица. В течение суток они выжгли село дотла, зверски убили свыше ста женщин и детей. Многих из них палачи живыми бросали в пламя пожара.

Во время этой дикой расправы здесь и была захвачена немецкими бандитами Лида Панкова. Она пыталась сопротивляться, но ей скрутили назад руки и несколькими жестокими ударами повалили на землю. Затем один из солдат схватил ее за волосы, резко рванул кверху и поставил на ноги. С трудом, шатаясь, шла Лида под конвоем к месту, где изверги терзали ее односельчан. Увидев, что там происходит, Лида обернулась и плюнула в лицо немецкого офицера. Гитлеровец в бешенстве рванулся вперед и со всего размаха ударил девушку по голове рукояткой пистолета. Лида вскрикнула и упала лицом вниз. К ней сейчас же подбежали ефрейтор и двое солдат, что-то коротко сказали друг другу и, наклонившись над девушкой, отрезали ей уши.

Преодолевая страшную боль, Лида крикнула односельчанам:

— Товарищи! Бейте их! Все равно всех нас не убьют...

Двое немецких солдат набросились на нее и отрезали ей нос. После зверского избиения Лида Панкова, еще живая, была брошена в огонь. Из пламени донеслись ее последние слова:

— Прощайте!.. За родину умираю...

Советский народ не забудет своей юной дочери, героини. Суровой и беспощадной будет расплата с врагом за кровь Лиды Панковой, за кровь тысяч советских людей, убитых и замученных гитлеровскими негодьями.

«Правда» от 7 декабря 1942 г.

Партизан Н. К.

Елена Хомич

«Письмо твое, дорогая Марта, получил еще месяц назад, но ты знаешь, что отвечать я люблю обстоятельно, а эту возможность — да и то не вполне — ветренная судьба послала мне только сегодня.

Русские, к сожалению, не разбиты. Наоборот, день ото дня они становятся все хитрее и настойчивее. Смерть подстерегает нас даже в резерве, когда выпадает, наконец, величайшее счастье помыться горячей водой и заменить вшивое белье чистым. Партизаны просто взбесились: преследуют нас на каждом шагу. Борьба с ними становится все труднее.

Реги в своей последней забавной приписке просит «не убивать русских деток, которые еще совсем-совсем маленькие, а значит, и зла третьей империи и дорогому нашему фюреру не сделали...» Скажи ей, милая муттерхен, что таких детей в этой ужасной стране мы не видели. Котята от тигрицы не родятся, а женщины здешние хуже тигриц. Они ненавидят не только нас, немцев, но даже и к своим детям сострадания не имеют. Тебе, дорогая Марта, конечно, покажется это невозможным, чудовищным. Ты же, толстая моя курочка, дрожишь за наших цыплят больше, чем за свою жизнь, отказывая себе и в картошке, и в хлебе, и в маргарине, лишь бы сберечь наших девочек от рахита. Но что ты скажешь о бешеной большевистской тигрице, которую я опишу тебе ниже со всей правдивостью?..

У этой Елены Хомич, жены председателя колхоза и главаря партизан, изба была полна ребятишек. Но мы с Вальтером Шилем, переводчиком нашей разведки, поселились именно у нее по двум соображениям: во-первых, надеялись выведать о крупном партизанском отряде, причинившем нам очень много хлопот, и, во-вторых, говоря откровенно, более домовитой хозяйки на селе не нашли. В доме у нее было

чисто и даже по-своему уютно. Дети ходили опрятно одетые, вели себя сдержанно. Этим как аккуратного немца она меня подкупила. Шиль первое время находил ее даже не по годам привлекательной. Ему как вдовцу нравились и ее статная фигура с легкой походкой, и серые строгие глаза, и даже двойная улыбка: одна для нас и совершенно другая для детей — такая обманчивая, теплая, что именно эта улыбка и ввела меня в заблуждение, заставив предположить в этой кошмарной женщине наличие материнских чувств, ей не свойственных. Когда ротный повар прирезал ее корову, Шиль был настолько сентиментален, что потихоньку от меня дал ей даже записку, по которой ей позволялось брать из походной кухни мясной обед в течение трех дней. Воспользоваться запиской, впрочем, ей не пришлось. Как раз в тот день майор приказал мне любыми средствами собрать необходимые сведения о партизанском отряде Хомича.

«Если найдете нужным, можете перевешать и перестрелять всех селян, — сказал начальник, — но завтра с утра я должен знать точно местоположение отряда, кратчайшие пути к нему, количество людей и качество их вооружения. Штабом предложено ликвидировать этот отряд немедленно, иначе и вас и меня отдадут под суд за попустительство этим разбойникам. Вы слышали, что они сделали ночью?.. Напали на нашу ремонтную базу, перебили солдат и техников, сожгли четырнадцать танков и тридцать четыре автомашины. И это еще не все. Они минировали шоссе, взорвав штабную машину с пятью офицерами...»

Ты меня знаешь давно, дорогая Марта. Когда требует дело, рука моя не дрожит и ум работает хладнокровно. Как исполнительный офицер я уже по дороге из штаба выработал ясный и точный план. За неделю резервной жизни я присмотрелся к Елене Хомич достаточно. Мне было понятно, что эта женщина не ушла вместе с мужем и прочими партизанами в лес лишь потому, что у нее на руках находилась куча детей, старшему из которых было двенадцать лет и младшей, хорошенькой белокурой девчонке, не по возрасту умной и хитрой, четыре года. Понятно было и то, что такая женщина, как Елена, должна была знать об отряде и, вероятно, даже общаться с ним, то-есть пересылать туда сведения, скорее, чем всякая другая крестьянка. Если ради детей она отстала от мужа, то ради детей она могла и предать его. На этой простой и логичной мысли я, как на крепком фундаменте, построил все свое здание решительных действий. Я приказал отвести Елену в утепленный колхозный сарай, где иногда вместе с Шилем производил допросы

селян, подозреваемых в сношениях с партизанами. Детей поместил отдельно, в находившийся тут же подвал для хранения овощей, а матери, с помощью Шилия, учинил перекрестный допрос, пытаясь поймать ее и сбить с толку. Но она оказалась гораздо хитрее, чем мы надеялись. Угрозами и даже посулами пощадить ее мужа, если она поможет нам заманить отряд в западную или хотя бы сообщить необходимые сведения, мы ничего от нее не добились. Она стояла, вся сжавшись, подняв болезненно брови, бледная, как мертвец, но отвечала враждебным и даже порой язвительным тоном, точно высмеивая наше бессилие перед горсточкой этих коварных лесных бродяг. Тогда я велел Карлу Гайнцу, длиннорукому швабу, для которого каждый мой жест был законом, привести из подвала ее детей.

Ты, конечно, ждешь, милая моя муттерхен, что при виде ребят, дрожавших от ужаса перед громадным швабом с его обнаженной саблей, эта строптивая женщина образумилась и смирилась. Говоря правду, я ждал именно этой реакции. Но, вместо того чтобы понять, наконец, весь трагизм своего положения, заплакать, упасть на колени, молить меня о пощаде, признав беспримерную низость разбойничьих действий своего мужа, отца пяти малолетних детей, обреченных теперь за его преступления на страдания и, может быть, даже на смерть, — эта волчица в образе женщины буквально одеревенела. Я кивнул Карлу. Шваб связал старшему мальчику руки и отвел его к дальней стене. Шиль и два плечистых саксонца, помощники Карла, связали других детей, прикрепив всю четверку к одной веревке. Я кивнул второй раз. Карл поднял над мальчиком саблю. Малыши завизжали и завывли, но старший, блестя сухими глазами, точно не замечая занесенного над головой оружия, неотрывно смотрел на мать.

— Детей-то за что? — произнесла она сдавленным голосом, глядя в упор на Шилия. Шиль перевел ее слова мне.

— Вот-вот, спроси ее именно это, — ответил я быстро. — Неужели же она, мать, своим безрассудным упрямством толкает детей на смерть. От нескольких ее слов, о которых, кроме немецкого командования, не узнает никто никогда, зависит жизнь пяти невинных малюток. Ее отказ будет для них смертным приговором. Вся вина за их смерть падет на нее.

— Не знаю я. Ничего не знаю, — ответила она тихо. — Да если бы я знала, разве выдала бы своих.

Последняя фраза вырвалась у нее почти шопотом, но так внятно, с такой горькой страстностью, что я уловил ее отрицательный смысл без помощи Шилия. Я кивнул в третий раз.

— Мама! — закричал мальчик. — Не ма-а...

Что он хотел сказать, — неизвестно. Карл отрубил ему голову на полуслове. Я оглянулся на мать.

— Продолжать? — спросил я ее через Шилья. — У вас есть еще четыре.

— Проклятые! Пусть ваши дети погибнут в таких же мучениях! — крикнула она, бросаясь с воплем к убитому.

Но Шиль и саксонцы схватили ее и оттолкнули назад.

Перед тем как подать новый знак Карлу, я невольно взгляделся в каждого связанного ребенка, запомнив их, как мне кажется, на всю жизнь.

О младшей девочке я уже упоминал раньше. Вторая — худенькая, с прозрачной кожей, с тревожными задумчивыми глазами, была лет семи. Дома, в избе, я всегда видел ее занятой: она или шила для кукол, или сидела за букварем, или укачивала сестренку, подметала полы, щепала лучины, охотно помогая матери по хозяйству. Брат ее, широколицый быстрый мальчишка, с лукавой усмешкой, характером и наружностью, говорили, походил на отца. Мне показалось, что даже теперь он растерялся меньше других и, пересиливая ужас, старался проворными движениями освободить свои руки от пут веревок, чтобы метнуться к дверям и стремительно улизнуть за околицу. Старшая девочка, стоявшая ко мне ближе всех, была точной копией матери, но краски были, конечно, гораздо нежнее и ярче и черты — много тоньше. Лет через пять она могла стать красавицей-девушкой, но в эти минуты она, как и младшие ее сестры, была для меня лишь жертвой войны, библейским, ветхозаветным агнцем, обреченным строптивостью своей матери на заклание.

— Осталось четверо, — повторил я, оглядываясь на Елену. — Может быть, вы подумаете? Даю минуту. На каждого.

Я положил хронометр на ладонь и пустил стрелку. Когда она обежала свой круг, голова старшей девочки упала к моим ногам, забрызгав сапоги кровью. Карл действовал безошибочно.

В начале третьего круга стрелки Шваб с видимым удовольствием под визг и стенания младших девочек срезал голову среднему Хомичу.

Мать рвалась к детям, но Шиль и саксонцы держали ее около стены, как в тисках. Стрелка хронометра четко и мерно постукивала, и с каждой новой минутой на пол слетала еще одна голова. На пятой Карл Гайнц по моему приказу вложил саблю в ножны. Я спрятал хронометр и встал.

С Еленой Хомич я хотел расправиться сам, но когда взглянул ей в лицо, то невольно попятился: на меня смотрели веселые глаза безумной, губы ее кривились в усмешке. Она просила о чем-то Шилья, настойчиво удерживая его руку в своей.

— Она просит отдать ей эти «вилки капусты», — пробормотал Шиль, кивая на головы детей.—Она бесспорно сошла с ума. Лучше всего сейчас же ее пристрелить.

Елена проворно наклонилась над трупами и стала складывать детские окровавленные головы в свой передник. Шиль вынул из кобуры пистолет. Я остановил его руку.

— Не надо, — сказал я решительно. — Пусть походит так по деревне. Часа через два мы устроим собрание селян, и эта «капуста» сослужит нам свою службу. У тех, кто что-нибудь знает о Хомиче, языки скорее развяжутся.

Это было логично, но, к сожалению, логика русских не всегда сходится с нашей.

Собрание селян и допросы ничего нового не дали. Елена с пятью головами своих детей, походив по селу, исчезла в неизвестном направлении.

Больше недели мы не слыхали о ней ничего. В эти дни сгорел ее дом, в котором продолжали жить Шиль и я. Огонь охватил избу ночью. Двери и ставни оказались закрытыми снаружи. Я обжег волосы, левую сторону лица, грудь и обе ноги, но все-таки спасся. Шиль выбрался из огня живым, но обгорел так, что на вторые сутки умер в мучениях. Обоих саксонцев нашли задушенными в избе, где они жили в обществе восьмидесятилетнего деда, наполовину уже разбитого параличом. Карла обнаружили около сарая в снегу, проткнутого насквозь железными вилами — со спины в сердце.

Трупы наших солдат, задушенных, или зарубленных топором, или пронзенных вилами, находили каждый день, иногда даже по два в сутки. Неуловимый могучий убийца, пальцы которого, судя по страшным следам на глотках задушенных, казались железными, вызывал панику даже у самых неустрашимых. Начала создаваться легенда о Хомиче, который будто бы мстил за своих убитых детей и замерзшую где-то в лесу жену. И вдруг, совершенно случайно, убийцу двенадцати немецких солдат и троих офицеров поймали около нашего госпиталя при подготовке здания к взрыву. Солдаты охраны, отчаянные молодые парни, по силе не уступавшие Карлу Гайнцу, пытались схватить преступника живьем, но тот нанес в темноте обер-ефрейтору тяжелую рану лопатой, и тогда автоматически пристрелили бандита. Когда убитого осветили, то с изумлением увидели, что на снегу лежит мертвая женщина — Елена Хомич...»

Конец письма обгорел. Письмо взято бойцом партизанского отряда Лаврентия Хомича при разгроме немецкого штаба из кармана убитого офицера Оскара Зехерта.

Девочка в беседке...

В цветущем уголке Украины, в Черкассах, жила девочка Люда Петрова. Школьница. Хорошая девочка. Веселая, сердечная, простая. И справедливая. Она была душой шести-классников, запевалой пионерского отряда. И училась усердно: приносила матери похвальные грамоты. Мать Люды ушла в ряды Красной Армии на второй день войны. Люда сумела проводить мать без слез.

— Девочка моя... ты понимаешь, что я должна там быть. Буду помогать раненым, спасти бойцов. Ты понимаешь это? Я нужна там...

Они обе волновались и скрывали волнение.

И только когда поезд увез маму, девочка спряталась в своей любимой беседке на дворе, где учила уроки или читала, и там тихо всплакнула.

А на другой день Люду Петрову снова видели бодрой, кипучей. Окруженная сверстниками и сверстницами, она сидела в этой самой беседке, где вчера плакала. Пионеры вслух думали, чем помочь фронту? И слышался звонкий, решительный голос Люды:

— Ребята, ребята, найдем дело! Не такие уж мы маленькие, ведь мы пионеры, ребята!

И сжимались детские кулаки. И полыхали огнями детские глаза. И тут, в этой беседке, поклялись они, юные черкасские друзья, в том, в чем клянутся воины Красной Армии. И пели песни. Глядя на этих милых воинствующих грачей в красных галстуках, улыбались домашние хозяйки, проводившие мужей на фронт.

Немцы захватили городок. Замучили много советских людей. Они растерзали и девочку Люду.

Немцы стали спрашивать девочку, в какой части Красной Армии ее мать, где соседи — коммунисты рафинадного завода. Девочка молчала. Молчала так упорно, словно была немая. Она не произносила даже слов «нет», «не знаю». Она молчала. Мерзавцы собрали на дворе школьников и на их глазах растерзали, изнасиловали Люду... Потом они жгли ее тело. Она молчала. Задушили. Полупьяные гитлеровские разбойники повесили труп девочки в той беседке, где Люда решала задачки, учила географию, читала Пушкина и Шевченко... И эти подлецы, негодяи, погубившие ребенка, тупо хохотали, глядя, как ветер надувает пузырем ее школьное платье. Насладившись вдосталь «зрелищем», немцы ушли.

Они думали, что запугают тех, кто был свидетелем этой ужасной казни. Они думали, что запугают! Нина Ярош, ме-

дицинская сестра, все это видела. Нина Ярош знала девочку. Нина Ярош не стерпела.

Товарищи, да разве любой честный человек смог бы стерпеть, видя чудовищное бесчинство, зверство фашистских извергов?..

Нина Ярош подожгла ночью штаб немецких захватчиков. Запылало здание. Обозленные, перепуганные немцы метались в огне, как крысы, бегали по двору, визжали, корчась от ожогов.

Нина Ярош была схвачена. Ее волокли по мостовой, били, мучили, жгли... Она потеряла сознание. Думая, что она уже мертва, ее бросили в яму. Но Нина Ярош еще была жива. Она пришла в себя. На третьи сутки ночью партизаны тайком вытащили ее из ямы и унесли, спасли. Кто сказал партизанам? Кто привел их к яме? Мы так и не знаем, кто. Может быть, те самые дети в красных галстуках, людины друзья, с которыми она пела песни в беседке и которых хотела запугать немецкая банда.

Партизаны перенесли изувеченное тело Нины Ярош через линию фронта и доставили в полевой госпиталь. Теперь она лежит в одном из госпиталей нашего тыла.

Недавно из этого госпиталя пришло письмо в Москву, в детскую газету, в нашу «Пионерскую правду».

«Главному редактору «Пионерской правды».

Я, медсестра Ярош Нина, находилась у немцев 21 день. Передать всех ужасов, которые царили там, я не в силах. Я теперь — получеловек. Меня немцы изуродовали: у меня нет груди — они ее выпекли, у меня нет волос — они их сожгли, и нет пальцев — они их отрубили. Но это все ничего: я взрослая... Но вот одна пионерка, Люда Петрова, пятнадцати лет, о которой я хочу, должна рассказать, как ее изверги замучили...»

И Нина Ярош рассказала в своем письме о девочке в беседке, рассказала то, что вы уже прочитали.

Письмо кончается так:

«Решила об этом сообщить — о героическом поступке девочки, которая умирая не сказала ничего, что у нее пытали. И их тысячи, этих родных, милых детей, взлелеянных под сталинским солнцем. Пусть же мать, которая где-то находится на фронте или в тылу, гордится ею, как когда-то гордилась, когда дочь приносила похвальные грамоты за отличную учебу... Мы должны, обязаны очистить родину от немецкой погани! Я прошу вас сообщить в печати, чтоб узнали, как эта маленькая патриотка Люда погибла на своем посту, защищая интересы родины».

Потрясающий душу человеческий документ! Изувеченная немецкими мародерами, страдающая от невыносимой боли Нина Ярош находит силы продиктовать сиделке письмо, в котором просит советский народ отплатить фашистам за смерть девочки Люды. О себе — ни слова, кроме того, что искалечена немцами, кроме того, что дала слово отомстить за девочку и решилась, сделала, что могла.

И в письме есть такая волнующая короткая приписка:

«Адрес мой такой... Лежу я в госпитале. Мне принесут от вас письмо, и я умирая буду счастлива. Ответьте мне. Нина Ф. Ярош».

Товарищи, мы должны ответить Нине Ярош. Товарищи, мы должны отомстить за труп девочки в беседке. Все — воины Красной Армии, рабочие, крестьяне, ученые, актеры, музыканты, писатели, мужчины, женщины, старики, дети, все! У меня есть дочь — фашистские разбойники могут убить мою дочь. У тебя есть сын — они могут повесить твоего сына. У него есть сестренка — они могут растерзать в клочья его сестренку!

Гитлеровская банда идет и еще пойдет на самые кровавые преступления. Мы должны истребить гитлеровскую свору, перемолоть, испепелить. Любой ценой. Любыми усилиями. Любым напряжением. Мы можем это сделать. И мы это сделаем, Нина Ярош! Труп девочки в беседке, кровь советских детей, кровь наших братьев, твоя изувеченная жизнь, Нина Ярош, зовут нас к возмездию, смывают усталость, снова и снова зажигают сердце гневом и волей к победе.

Товарищ, спроси себя сегодня, что ты сделал, чтобы отплатить врагам за девочку в беседке? Что ты сделал для того, чтобы завтра немецко-фашистские бандиты не повесили твоего ребенка?

«Правда» от 8 июля 1942 г.

Елена Кононенко

Сильнее смерти

Уважаемые товарищи! Прошу вас напечатать мое письмо. Факты, изложенные в нем, являются подлинными. Когда наши части освободили ряд населенных пунктов, нами была подобрана семья учителя Скворотынской неполной средней школы М. А. Хайновского: сам товарищ Хайновский — со следами ожогов на лице и руках, его жена Александра Ивановна — с шестью осколочными ранениями и его семилетний сын Шура — с двумя осколочными ранениями. История борьбы этой семьи с фашистскими захватчиками волнующая и поучительна.

Велика любовь советского человека к своей родине. Беспредельна ненависть его к фашистским захватчикам. Кровожадный зверь, забравшийся в чужой дом, чувствует это. В бессильной злобе он уничтожает сотни советских людей. Но на смену этим мученикам поднимаются тысячи. Среди этих народных мстителей оказалась и семья народного учителя из села Сковоротынь Молодотудовского района товарища Хайновского Михаила Андреевича.

Товарищ Хайновский молод, ему всего двадцать пять лет, но по болезни он был освобожден от воинской службы. И вот как-то его село было захвачено немцами.

Советский учитель Хайновский раздобыл в деревне Передово радиоаппарат, установил его у себя на квартире, и каждую ночь его односельчане собирались у приемника тайком послушать родную Москву.

19 октября 1941 года группа бойцов и командиров, вышедших из окружения, нашла радушный прием в семье Хайновского. Их здесь накормили, обогрели. Хайновский ночью провел эту группу через линию фронта и вернулся домой. Вскоре таким же путем он вывел еще одну группу бойцов из окружения. Но все это еще не удовлетворяло Хайновского. Он горел желанием сделать еще больше для победы над врагом. И вот молодой учитель создает из оставшихся в селе мужчин партизанский отряд.

Отряд учителя Хайновского наносил существенный ущерб немцам. 21 декабря он разбил немецкий обоз с рожью, 4 января уничтожил четыре подводы с боеприпасами, 9 января перебил немецкую конную разведку. Вскоре части Красной Армии заняли соседнее село Большинково. Партизанский отряд, уничтожив немецкий пост, прорвался из села Сковоротынь на соединение с Красной Армией. Это была радостная встреча. Получив свежие газеты, узнав о последних новостях, учитель поспешил вернуться в свое село, чтобы поделиться радостными вестями с односельчанами. Немцев в это время в Сковоротыне не было.

В 17 часов семья учителя села обедать. И вдруг в село нагрянули фашисты, которые, как оказалось, выслеживали учителя. Окружив школу, где жил Хайновский, немцы открыли огонь.

— Не будем ждать от немцев пощады! — сказал Хайновский своей жене. — Мы дорого продадим свою жизнь. — И он вступил в неравный бой с целым отрядом немцев.

Немцы не ожидали сопротивления. В дикой ярости они начали в упор расстреливать дом из мелкокалиберной пушки.

— Шура, прячься с ребятами в подпол! — крикнул Хай-

новский жене и полез на чердак, прихватив с собой имевшиеся у него пять ручных гранат, полуавтоматическую винтовку и наган.

Немцы уже ломидись в дом. Жена Хайновского едва успела схватить старшего сына и спрыгнуть в подпол, когда фашисты выбили прикладами окно и ворвались в комнату, где еще находились пятилетний Миша и трехлетняя Галя — дети учителя.

Стрельба прекратилась. Послышались душераздирающие крики детей. Хайновский спрыгнул с чердака в сени, распахнул дверь. На секунду он остолбенел от ужаса. На полу плавал в крови его пятилетний сын. Фашисты успели отрезать ему нос, уши и выколоть глаза. Малютка беспомощно хватался ручонками за свое лицо. Рядом с ним лежала трехлетняя дочь с обрубленными руками. Над ними стояли хохочущие немцы.

Вне себя от гнева и боли учитель метнул одну за другой две гранаты. Раздался страшный взрыв. Пятеро фашистов упали замертво. Сам Хайновский только чудом остался жив.

Фашисты продолжали наседать. Уничтожив еще нескольких фашистов, Хайновский снова влез на чердак и отбивался оттуда. Немцы начали забрасывать гранатами подпол, где укрылась жена учителя со старшим сыном. Осколками гранат жена и сын были ранены. Хайновский продолжал вести огонь.

Немцы подожгли дом. Языки пламени уже лизали одежду учителя, но он все еще не сдавался.

В критическую минуту из соседнего села части Красной Армии открыли огонь по немцам. Бросив горящий дом, фашисты залегли недалеко от школы. Хайновский, пробившись сквозь пламя, вытащил из подпола раненую жену и искалеченного сына. Он на руках перенес их во двор и вместе с ними спрятался в снегу.

Когда стемнело, все трое с огромным трудом добрались до частей Красной Армии.

Разве забудет наш народ мучения пятилетнего малыша Миши и трехлетней крошки Гали? Разве забудет наш народ подвиг учителя, который, жертвуя собой и всей своей семьей, сражался до последнего момента с целой ордой немцев? Чувство гнева и ненависти оказалось сильнее страха смерти, оно сделало двадцатипятилетнего учителя богатырем.

Сын партизана

Облитая керосином изба пылала большим дымным костром. Трещали балки, со звоном лопались стекла. Искры взлетали в небо, и сильный ветер разносил их по всему селу. Кое-где занялись соломенные крыши сараев, столбы черного дыма вздымались в разных концах деревни.

Вокруг горящей избы Ивана Малыгина стояли женщины. Сжатые тесным кольцом вооруженных немецких солдат, они смотрели на пожар давно выплаканными, выцветшими от слез глазами. Пламя отражалось в их зрачках. Поднимая глаза друг на друга, они словно вглядывались в зеркало: та же бесконечная тоска, страдание, те же отблески горящей избы партизана Ивана Малыгина.

Немецкие солдаты — те самые, что облили керосином и подожгли избу, — не давали женщинам ни приблизиться к пожарищу, ни отойти от него.

— Пусть все видят, как мы поступаем с партизанами, — сказал немецкий лейтенант, приказав согнать на пожар всю деревню. Он стоял сейчас впереди, молодой, краснощекий, упитанный, и насвистывал модный мюнхенский марш. Он сделал несколько фотоснимков пожара и сейчас светлосиними, круглыми, как у фарфоровой куклы, глазами бесцеремонно и хищно рассматривал женщин. На фронт он прибыл недавно. Поджог избы партизана Малыгина был его первым боевым подвигом. Старший брат Эрих, обер-лейтенант, присылал ему в Мюнхен, в офицерскую школу, снимки своих операций в России. У него была неплохая коллекция: двенадцать пожаров, пять виселиц, две порки. Теперь брат лежал в госпитале в Дрездене. Сегодняшние снимки удачно дополняют коллекцию любительских фотографий фамилии фон Рейхен.

Пожар разгорался. С треском упал карниз избы. Искры метнулись к людям, садясь на одежду, обжигая лица и руки. На земле безмолвно билась в тяжелом припадке не старая еще женщина. Длинные волосы ее распустились и мели дорожную пыль. Два солдата стояли рядом и не подпускали к ней никого. По приказу лейтенанта солдаты вытащили на улицу Елену Малыгину, оставив в горящей избе годовалую Полинку. «Подобного снимка у Эриха не было», — усмехнулся лейтенант, фотографируя обезумевшую мать на фоне горящей избы, где осталась ее девочка.

— Хальт! — резко крикнул часовой. Все повернули головы. Через деревенскую площадь бежал мальчик. Не обращая внимания на окрики часового, он протиснулся сквозь толпу, увидел лежащую на земле женщину и подбежал к самому

пожарищу. Солдаты схватили его и подвели к лейтенанту.

Это был невысокий белоголовый паренек лет двенадцати, в розовой рубашке, вылинявшей от дождей и выгоревшей на солнце.

— Кто ты такой? — спросил лейтенант (он немного говорил по-русски).

Мальчик посмотрел на него исподлобья, закусив губу.

— Полинка... Сестра, — прошептал он. — Полинка горит.

— Твой сестра? Швестер? Там, — внезапно оживившись, сказал лейтенант. — Ты брудер? Брат?

Еще несколько балок с шумом обрушилось на землю.

— Гут, — внезапно сказал немец, и странная улыбка показалась на его лице. — Гут! Хорошо! Я жалею маленькая девочка. Мальчик, ты будешь спасать дайне швестер. Иди!

Гриша Малыгин сначала не понял, что ему говорил лейтенант. Солдаты выпустили его. И тогда курносое, веснушчатое лицо мальчика просветлело. Он рванулся вперед к горящей избе и исчез в дыму и пламени.

В толпе ахнули. Кто-то громко зарыдал. Анфиса Корнеева закрестилась быстрыми, торопливыми крестами, что-то беззвучно пришептывая. А Елена Малыгина все так же металась по земле, не понимая уже ничего, что совершалось вокруг. Потом все замолкли. Даже лейтенант перестал насвистывать свои марши и, удивленно приподняв бровь, смотрел в режущее пламя. Прошли минуты. Рухнули стропила горячей избы. Вдруг из огня выскочил мальчик. Одежда на нем горела. В руках он держал большой белый сверток.

— Мамка! — крикнул он. — Мамка! Наша Полинка...

Что-то изменилось в лице лейтенанта. Он приказал солдатам облить мальчика водой. Мокрого, полуживого от ожогов и волнения, Гришу подвели к лейтенанту. Тот с любопытством вглядывался в него.

— Ты есть молодец, — сказал лейтенант. — Ты есть совсем храбрый. Покажи! — приказал он.

И мальчик молча, доверчиво протянул ему сверток. Лейтенант развернул одеяло, и все увидели крошечную девочку, заливающуюся надрывным плачем.

Мать, Елена Малыгина, внезапно приподнялась с земли, широко раскрытыми, безумными глазами посмотрела на свою дочь и бросилась к ней, вырываясь из рук солдат.

— Очень красивый девочка, — мечтательно сказал лейтенант. — Эйн хюбшес медхен.

Девочка вдруг перестала плакать.

— Теперь будем делать один фокус. — Лейтенант прищурил свои фарфоровые глаза. Он высоко поднял девочку,

шагнул вперед к избе и швырнул ее прямо в огонь. Мать с криком рванулась за ним. Но он с силой ударил ее ногой и отшвырнул в сторону.

— Был девочка и нет девочка. Хороший мюнхенский фокус. Эрих будет очень смеяться. Эрих любит...

Что именно любит Эрих, не удалось узнать никому. Лейтенант лежал на земле, уткнувшись головой в горящие головешки. В спине у него торчал самодельный нож, вонзенный Гришей. Солдаты на мгновение растерялись. Потом открыли стрельбу. Но женщины стали непроходимой стеной между солдатами и мальчиком. Когда немцы пробили себе дорогу, Гриша, ныряя среди высокой колосющейся ржи, уже подбежал к опушке большого леса.

«Правда» от 11 августа 1942 г.

Ал. Исаих

Седой мальчик

День ослепительно яркий. Знойно и совершенно безветренно. В такие дни до войны можно было бы видеть десятки дрейфующих парусников, не достигших рейда.

Сейчас над застывшим морем солончаковые туманы. Если прищурить глаз и пристально всмотреться в горизонт, то из миража выплывут мохнатые верблюды, бредущие куда-то по выжженной солнцем водной пустыне. Если же и дальше не отрывать глаз от намеченной точки, то из солончаковой испарины моря выплывут неведомые дворцы, замки и еще что-то сказочное и неожиданное. Для всего этого глаз надо держать прищуренным, а головой покачивать медленно-медленно, так, чтобы дворцы и верблюды вдруг не рассыпались.

Этим и занимался маленький мальчик с седой головой, сидя у берега уснувшего моря. Сюда его принесли на руках моряки. Расчистив место у берега, они бережно усадили его на высокие камни, чтобы так было «видней».

Мальчик любил море, но оно было недосыгаемо для него. Он не ходил. Его пятки были сожжены и обуглены, а ступни ног проколоты штыками. Это сделали немцы. Они поймали его в тот самый момент, когда он, перегруженный шкодовскими автоматами, штабными документами в красивых клеенчатых переплетах, узорчатыми картами, испещренными цифрами и линиями направлений, возвращался домой из двенадцатой разведки за месяц.

Мальчик не был разведчиком. Он просто отвечал немцам взрослой мстью обиженного ребенка. Он до сих пор отчетливо помнит, как однажды неожиданно в комнату вошли вооруженные мужчины, говорившие на чужом языке, и посмели на его глазах раздеть его мать. Они сказали, что это называется «обыск».

Мать раздевали медленно и осторожно. Какой-то худой человек с очень толстыми стеклами в очках, бережно принимая белье, чулки, платье и аккуратно развешивая их на стуле, внимательно рассматривал мать. Обнаженная, она стояла у стены, закрыв руками лицо. Мальчика из комнаты не выпускали.

Затем двое с нашивками подошли к ней, усадили на колени, обняли ее и так снялись. Мать не сопротивлялась. Она знала этих военных людей. Они могли убить сына. Когда же, подставив ножку, ее опрокинули на кровать, она отняла от лица руки и, вцепившись зубами в чью-то ладонь, прогрызла ее до кости.

От стыда и горя мальчик бросился на солдат. Ober-лейтенант оттолкнул его и сказал: «Дурак! Ты тоже так появился!» Немцев было много. Когда они ушли, он покрыл ее одеялом. Лицо матери было мокро. Она не рыдала. Это были мертвые слезы и мертвый пот.

Так мальчик начал сесть. При отходе из Николаева его забрали с собой моряки. Взамен матери они дали ему морскую форму и боевое оружие убитого товарища. Вместе с ними он проходил боями у Перекопа. Не расставаясь со взрослыми друзьями в тяжелые минуты танковых немецких атак, всю зиму и весну он пролежал в окопах, защищая незнакомый ему Севастополь. Дважды он был ранен, а сейчас получил длительный отпуск по «болезни ног».

Война старит детей. Как-то сразу повзрослевший, он научился хорошо лазить по-пластунски, метать гранаты, стрелять из трофейного оружия, подолгу не есть в разведке, а главное — исполнять на губной гармошке «Тирольский марш». Этим «Тирольским маршем» он дурачил немецких простофиль, допрашивавших его о причине его появления в районах передовых позиций.

Если поутру, после темной ночи, полной всяких тревожных шорохов, после того как он преодолевал колючие проволочные заграждения, перелезал по деревьям через минные поля, миновал десятки смертельных ловушек, немцы все же его обнаруживали, он, нисколько не смущаясь, весело представлялся: «Здрассте! Я сын кулака!» На этот раз офицер не поверил. Мальчик пойман с поличным. Поэтому, отдавая приказания солдатам, унтер сказал: «Сделайте этому храброму русскому мальчику христианскую голгофу». Это не было шуткой. Мальчика распяли на кресте. Этого могло и не быть, если бы он сказал «правду». Мальчик молчал и не плакал.

Тогда под его ноги положили хворост и подожгли его. Мальчик молчал. Обжигая ноги, костер пожег крест. Перегорев в своем основании, крест с мальчиком рухнул наземь. Немцы были уверены, что «севастопольский Иисус» умер.

Ночью моряки вышли на розыски. Приняв две атаки, на веревке они втянули в первый окоп дымящийся крест. Мальчик жил. Теперь он совсем поседел. К искалеченному разведчику приставили старика. Старик был черноморским матросом, который прослужил шестьдесят лет во флоте. Во время новой осады Севастополя он явился в морскую пехоту и попросился «в дело». Старика взяли. Но «в дело» его не пускали, хотя он пользовался всеобщим уважением как моряк, служивший еще «под началом» лейтенанта Шмидта, бунтовавший в Одессе на «Потемкине» и знавший давно забытые матросские песни. Когда по ночам дрожащим голосом разбитого годами баса старик начинал петь «На дне Севастопольской бухты дредноут «Мария» лежит...», морская пехота замирала.

Видя, что в атаку «флотские» его не берут, старик начал клеить конверты. Искусно работая ножницами, он вырезал какие-то удивительно наивные и вместе с тем симпатичные орнаменты, из которых получались настолько старомодные конверты, что они невольно просились в древние почтовые кибитки, запряженные тройками с бубенцами. Кружевные конверты принесли старику ни с чем несравнимую славу. Он стал признанным и самым любимым человеком бригады.

Ему-то и поручили вылечить мальчика. Как старый корабельный лекарь, не очень доверяя врачам, он считал, что главное в лечении мальчика — это «ржавчину из мяса гноем выгнать». Сегодня был первый день, когда выздоравливающего вынесли подышать свежим воздухом. Сейчас, оба седые, они сидят у моря. Вырезая из бумаги очередную заготовку для конвертов, старик добродушно спросил: «А как у тебя, юнга, с родителями будет? Нехорошо без родителей. Родителей надо иметь. Непорядок это». Безжалостно разрушив дворцы и замки, мальчик открыл прищуренный глаз и тихо сказал:

— Одна тетя, которую я не знаю, сказала мне, что она будет моей мамой.

— Правильно! — сказал старик, — Мать, хоть и приходящая, тебе обязательно нужна. Ну, хватит, пойдем в блиндаж. А то совсем ранения перегреем. Эй, флотские! Поднесите героя!

К мальчику подошли моряки. Бережно подняв с высоких камней, они унесли его в прибрежный блиндаж.

Море попрежнему спокойно. Солончаковые туманы растаяли вдаль. Дворцы и верблюды ушли на дно глубокого Черного моря.

Трагедия в деревне Мотосово

Трудно себе представить, как могла она перебраться через линию фронта, седая, опухшая от голода, с окровавленными ногами...

Ее зовут Анна Ивановна Полтышева. Она колхозница, семидесятидевяти лет, из деревни Мотосово, Ленинградской области.

Сколько дней и ночей она пряталась в кустах, ползла по болотам, питалась травой и сырыми грибами, она сама не знает.

И вот она сидит, окруженная бойцами, и медленно, сурово рассказывает о том, что произошло в деревне Мотосово. Она говорит о страшных вещах. Но в глазах — ни слезинки. Сердце ее окаменело. Есть предел всякому человеческому горю, всякому страданию.

— Каждый дом, как мертвецкая. Крестьяне, что ни день, мрут от голода. Так и лежат в хатах. Никто их не хоронит: запрещено. Запах идет от села, как от большой открытой могилы.

Она подняла глаза, встретила напряженный взгляд молодого бойца с автоматом и продолжала, словно обращаясь именно к нему:

— Особенно жалко детишек. Мрут, как мухи. Решили ребята из деревни от своей смерти уйти, милостыню собирать. Немцы их переловили и заперли в подвал, наполненный водой. Держали их там с утра до вечера. К вечеру матери собрались, пошли к немецким начальникам, чтобы детей своих вытребовать. Думали еще, что со зверями можно на человеческом языке говорить. И я, грешная, тогда еще веры не потеряла...

Старуха прикусила конец своей черной косынки, прошептала что-то совсем неслышное и глухо продолжала:

— Всех женщин заарестовали. Согнали народ на улицу. Матерей догола раздели и при всем народе розгами пороли. А потом открыли двери подвала, стали вытаскивать детей, чтобы и они ту порку своих мамок видели. Но только многие дети совсем не могли из подвала выйти: упали там без сил и утонули...

Бойцы молча переглянулись, боль и ярость были в их глазах.

— А девушек согнали в одну избу. Раздели, осмотрели и многих себе забрали. Как скотину, в особый хлев заперли и по рукам пустили. Так мы больше и не видели девчат наших. Одна через две недели вырвалась. Рассказала. Почти никого уже и в живых нет. Надругаются и расстреливают...

И что ни день, то новые злодейства. Собрали пятьдесят стариков, обвинили, будто они партизаны. Всех повесили и схоронить не дали. Так и висят. Одна колхозница в лес пошла ягоды детишкам собрать. Подумали немцы, что она к партизанам ушла. В избу ворвались, меньшого сына взяли за ноги и — головой об угол. Старшего, семилетнего, все село любило: затейником был, всякие кораблики мастерил, песни, точно птица, пел. Так его соловушкой и звали. От страха у него язык совсем отнялся. Залез под кровать. Нашли, вытащили. Он слезами изошел. Камень бы от тех слез растаял. А им смех. Один солдат ударил прикладом по голове, а другой наступил сапогом на горло и задушил соловушку...

Бойцы еще теснее сдвинулись вокруг старухи. Она замолчала и обвела их всех взглядом своих тяжелых, скорбных глаз. И взгляд ее был суровый, укоряющий, требовательный.

«Правда» от 19 августа 1942 г.

А. Исаха, Л. Плескачевский

Побужская трагедия

Это было 7 января пополудни.

Ночью задула метель, и к утру намело большие сугробы, ослепительно яркие под невысоким и багровым зимним солнцем. Немцы отступали из Побужа, небольшой, занесенной снегом деревушки, затерянной между извилистой речушкой и дремучим лесом. Немцы торопились и снимали замки с орудий, которые вынуждены были покинуть, разбивали моторы автомобилей, застрявших в снегу, наспех грузили свой скарб в темнозеленых походных сундучках с навесными замками. Немцы торопились. Они выводили чужих лошадей, запрягали их в чужие сани и нагружали чужим добром. Немцы рыскали по избам, выволакивая оттуда все, что попадало под руку, — мясо, валенки, хлеб, овчины, занавески, белье, картошку, сбрасывали это в сани, и толстый ефрейтор, закутанный в башлык, проворно связывал награбленное веревкой.

По дороге, ведущей на запад, промчались грузовики, ежась от холода, протопали солдаты, замыкая шествие, проскакали всадники.

Казалось, все — ушли.

В Побуже вздохнули: кончился кошмар!

Но через час, в полдень, здесь неожиданно появилась группа солдат, вооруженных автоматами и гранатами, иные тащили с собой ручные пулеметы. Они здесь забыли что-нибудь? В закромах побужан уже было пусто. Они решили

продолжить сопротивление? Нет. Вчера тут уже были наши разведчики — здоровые, румяные лыжники в маскировочных халатах, уже гремела неподалеку советская артиллерия. Нет, не сопротивляться пришел сюда этот отряд.

Потом уже, когда в Слободку, Чернышино, Киреевское в страшных мучениях приползли окровавленная старуха Дарья Пузанова, четырехлетняя Дуся Обухова с пробитыми насквозь щеками, Дарья Ковычкина с раненой рукой и рваным плечом, истерзанная Татьяна Обухова, когда пришли в себя от пережитого Лукерья Шутяева, сторож Федор Обухов, подростки Василий и Иван Ковычкины и другие, те немногие, которые спаслись, мы узнали о том, что произошло в Побуже.

Отряд остановился посреди улицы. Рыжий сухопарый офицер с подвязанной щекой что-то крикнул. Это был приказ...

По-двое, по-трое ринулись солдаты к избам, обливая их горючей жидкостью, поджигая пучками зажженной соломы. С пылающими факелами в руках они бежали дальше и жгли, жгли. Вот вспыхнула изба Федора Обухова, что стоит на краю деревни, занялись двери, окна, крыльцо. Рядом загорелась еще изба, еще одна, еще, огонь быстро перебросился от домов к сараям, и длинные языки пламени тянулись дальше, к соседним строениям, заволакивая дворы дымом, превращая деревню в сплошной огромный костер.

Обезумевшие жители в чем были выбегали на улицу. Тогда солдаты открыли по ним беспорядочную стрельбу. Старого конюха Лукьяна Гавриловича Шутяева пуля настигла у ворот. Он судорожно схватился за грудь, и кровь, пробиваясь сквозь пальцы, густой и тяжелой струей хлынула в снег. Старик застонал и упал навзничь. В предсмертной агонии он еще попробовал ползти, — так и замерз его труп с согнутым коленом и протянутой вперед рукой.

Ирина Галкина, выхватив из-под падающих горящих балок двух детей, поставила их в сторонку и снова бросилась через пышущий пламенем порог, чтобы вынести еще двух ребят, оставшихся в доме. Когда она, обгорелая, выскочила обратно, дети ее, те, которых она только что, рискуя собой, вырвала из огня, лежали бездыханные, еще теплые, со сведенными в судороге руками, с простреленными головами. Вдоль забора шел тот, кто сделал это. Спокойный, равнодушный немец. Заломив в отчаянии руки, мать застонала, забилась в слезах:

— Изверги! Душегубы!..

За ее спиной трещали выстрелы, гулко повторенные эхом. Люди металась по улицам, как в бреду, ища спасения. За-

дыхаясь, бежала Прасковья Донюшкина, босая, с грудным ребенком на руках, цепляясь за юбку, дрожа от страха и холода старались не отставать малолетние Митя и Нюра. Увязая в снегу, с невыразимым ужасом в глазах пробивались сквозь огонь автоматчиков дети Евфросиньи Пузановой.

— Мама... Где ты, мама? — надрывно плакала четырехлетняя Аня, и спотыкалась, и падала, и снова бежала. — Мамочка, где ты?..

Мать не откликнулась. Евфросинья Пузанова лежала среди кучи растерзанных тел на колхозном подворье с развороченным животом. У ворот показалась старуха Анна Ефремовна Соложенкова. Она успела крикнуть:

— Бегите в погреб! Бегите в погреб!

Выстрелом в спину ее убил молодой, худощавый и веснушчатый, похожий на мальчика, немец. В погреб набилось полно людей. Все, чьи дома были по эту сторону деревни, сбежались сюда. Перепуганные, похожие на тени, люди чутко прислушивались к тому, что творилось там, наверху. Вдруг у входа в погреб раздалась чужая, грубая речь.

— Марш! На улицу марш!..

С револьвером в руке стоял офицер и кричал в погреб, коверкая слова:

— Я сказал: марш!..

Никто не вышел. Поднялся плач. Тогда в темноту погреба ворвались солдаты. Сверкнули штыки. Вопль, страшный человеческий вопль неся из погреба. Молча и сосредоточенно немцы вонзали штыки в сгрудившихся детей и женщин. Так и не спасла Ирина Галкина своих детей: их зарезали. Ее тоже закололи. Зарезали всю семью Александра Галкина, и Марию Донюшкину с детьми зарезали, и Матрену Паршикову с дочерью зарезали, и Анастасию Корочкову зарезали, а потом ее, корчащуюся, пристрелили. Внезапно среди хрипов и стопа умирающих кто-то душераздирающе крикнул:

— Все равно конец! Вгрызайтесь гадам в горло... Все равно помирать!

Немцы с визгом выскочили из погреба. У одного из них из прокусанного пальца сочилась кровь, другой ладонью прикрывал шею. Офицер, наблюдавший в это время, как тлеют и вспыхивают обугленные бревна, услышав истерические крики солдат, перекосясь от злобы:

— Гранаты! — В погреб полетели гранаты...

Всех оставшихся в живых солдаты гнали вдоль горячей улицы на край деревни.

Пустырь. Одинокая, заброшенная поляна. Здесь приказали остановиться. Под ударами прикладов полтораста человек

пали на колени, безмолвные, похолодевшие. Матери, прижавшие к себе детей, старухи с оковеневшими от стужи ногами. Ефрейтор с красным, лоснящимся лицом что-то прокричал, злое и непонятное. Переводчик перевел слова ефрейтора:

— Земля ваша? Так ешьте ее!..

Раздался залп. Автоматчики стреляли в упор. Как подкошенные, лицом вниз, обливаясь кровью, упали Елена Дюношкина с восьмилетней Наташей, которую держала за руку, Иван Бакланов, Ирина Казанина и четверо ее детей. Пустырь покрылся трупами. Многие вскочили и бросились вперед. Татьяна Обухова схватила годовалую Дуню, потянула четырехлетнего Сережу и — к ложине. Не сразу почувствовала она, что ноша ее отяжелела.

— Мама, смотри...

Сережа обхватил бессильно свесившуюся, пронзенную навывлет голову сестры с выбившейся светлой прядкой из-под платка. В это мгновение что-то горячее полоснуло по лицу мальчика. Обухова нагнулась, чтобы поддержать его, падающего за мертво, и внезапно, подмяв его, рухнула, раненная, на снег.

Люди металась, вслед им строчили автоматы и пулеметы. Мария Сухова, высокая полная женщина, лежала, изнемогая, у обочины дороги и, беспомощная, видела, как упал ее сын Паша, как рядом растянулись дочь Настя и второй сын Саша, она слышала протяжный стон третьего сына — Вани, светлоглазого, тшедушного мальчика:

— Мне страшно... Пить...

С трудом приподнявшись на локте, Сухова крикнула:

— Ванечка, ползи в канаву!

Ветер относил ее слова в сторону, и она вновь услышала страдальческое:

— Мне страшно... Пить...

— Ванечка!..

Сбоку ударил пулемет.

Над головой Федора Пузанова просвистели пули, и еще через минуту он был убит вместе с одиннадцатилетним Алешей. Будто изваяние, лежал замерзший труп отца, обеими руками обхватившего сына, как бы защищая его своей грудью. Когда Пузановы упали, находившаяся с ними Наталья Обухова повернула к лесу. Вокруг нее жужжали пули, пригибая ее к земле. Она продолжала бежать даже тогда, когда почувствовала жгучую боль в руке, на которой висели оторванные пальцы. Она бережно несла изрешеченного пулями младенца, в безумии повторяя:

— Ты со мной, моя крошка... Ты со мной...

Люди бежали от зверской расправы и нигде не находили спасения,—всюду настигали их немецкие автоматчики. Когда все было кончено, когда не стало ни деревни Побуж, ни мирных побужан, солдаты прошли по кладбищу, сапогами и прикладами расталкивали мертвых и, если раздавался стон, приканчивали раненого штыком и револьвером. Потом для завершения один немец вышел на бугор и швырнул в кровавое месиво три гранаты. На пустыре, по дорогам, на улицах и во дворах осталось сто десять трупов — девять престарелых мужчин, пятьдесят одна женщина и пятьдесят детей. Страшный, черный счет!

Прошел день. Наступила ночь. Из-под груды мертвых тел поднялись пять девочек — двенадцатилетняя Поля и десятилетняя Маня Пузановы, восьмилетняя Катя Лощева, восьмилетняя Нюся и четырехлетняя Дуся Обуховы. Они посмотрели вокруг и не узнали родных мест: не было деревни. Среди развалин они увидели уцелевший погреб и, посиневшие, трясущиеся, поползли к нему. Маня отставала, она еле ползла. Нестерпимо болела раздробленная нога, ныло раненое плечо. Девочка сделала еще одно усилие и, вконец ослабевшая, растянулась у сугроба. Поля разорвала на себе сорочку и перевязала раны своей сестричке. Она не стонала, только стиснула зубы и печально закрыла глаза. Спустя немного, девочка, истекавшая кровью, умерла. Ее завернули в одеяло, которое валялось поодаль, ладонями нагребли снежный холмик. Спи... Потом они поднялись, четыре девочки, долгим, прощальным взглядом посмотрели туда, где чернели на снегу трупы их матерей, и, горько плача, ушли в темноту, навстречу советским войскам, которые двигались в Побуж.

Вот показания побужского жителя, депутата сельского совета Егора Васильевича Обухова:

«На моих глазах немцы расстреляли четыре семьи, состоявшие из двадцати трех человек. Среди них имеется несколько старух, таких, как Ахимья Давыдовна Пузанова, восьмидесяти лет, которая последние годы не в состоянии была даже передвигаться. В числе погибших вышеупомянутых семей имеются также четыре грудных ребенка. Никаких обвинений немецкое командование жителям не предъявляло, если не считать заявления офицера о том, что русские женщины опасны для их Европы в силу своей плодовитости... Да, немцы пришли к нам, как воры, и ушли, как убийцы».

Вот справка Лукерьи Ефимовны Шутяевой:

«Сначала немцы разорили наше хозяйство, потом сожгли наш двор и закончили свое дело массовым истреблением людей. Я потеряла мою семью: погибли муж и три внука».

Как клятва, звучат слова подростка Васи Ковычкина:

«Теперь у меня нет отца — ему выстрелили в лицо. У меня нет матери — две пули впились в ее грудь. Нет у меня старшего брата — он лежит мертвый на огороде. Я — сирота. Но у меня, у всех нас есть Сталин, великий Сталин. Я знаю: он всем в беде протягивает отеческую руку. Ему клянусь я отомстить за моих родителей, за моих односельчан, за мою деревню, где я родился и рос...»

Вот он, Побуж! Сравненный с землей, выжженный и обезлюдивший. Лобное место. Советские части, ломая сопротивление немцев, очищают наши города и селения. Они вошли уже и в Побуж. Даже ограбленная, даже истерзанная воронками от снарядов и бомб, изрытая окопами, изуродованная развалинами, даже такая, нет милее и краше тебя, родная земля! Пусть же скромное имя этой безвестной деревушки, затопленной в крови, загроможденной изуродованными, обугленными, изрезанными телами ни в чем неповинных стариков, женщин, детей, во стократ умножит нашу великую ненависть к врагу и, как набат, зовет к священному мщению.

К мщению!

«Правда» от 20 февраля 1942 г.

Я. Цветов

Чудовищные издевательства фашистских мерзавцев над советскими людьми

Неопровержимые документы свидетельствуют о том, что немецко-фашистские мерзавцы продолжают самым бесчеловечным образом обращаться с советскими военнопленными и мирными жителями. Многочисленные факты подтверждают, что все эти убийства, насилия и издевательства проводятся по единому, заранее разработанному плану, по прямым указаниям германского командования.

Обстановка в концентрационных лагерях, в которых размещены советские военнопленные, вызывает чувство ужаса у всякого, кто это видел. Как правило, пленные содержатся под открытым небом, не имеют никакой защиты от дождя и непогоды. Все теплые вещи и вся более или менее приличная одежда у пленных отбирается; почти все лишены обуви, шинелей, пальто, одеял. В лагерях пленные ведут голодный образ жизни; их кормят отбросами, суррогатным хлебом, тухлой кониной.

По свидетельству иностранных наблюдателей, немецко-фашистские захватчики *приравняли все мужское население от 16 до 60 лет на занятой территории к военнопленным*, считают их военнопленными и обращаются с ними, как с военнопленными. Этим объясняются астрономические цифры взятых в плен, которыми оперирует фашистская печать.

Жестокость обращения с советскими людьми в лагерях превосходит все до сих пор известное. За малейшее нарушение распорядка, за малейшее непослушание охрана расстреливает десятки пленных. Расстрелы применяются и тогда, когда охране кажется, что тот или иной пленный «собирается послушаться». Зачастую пленных убивают потому, что «невозможно следить за всеми разом», или потому, что пленные, выбившись из сил, отстают, падают на работе.

Каннибальская жестокость, садизм в обращении с пленными прямо и откровенно санкционированы германским командованием. Общеизвестно, что Гитлер в своих публичных выступлениях называл советских людей «животными» и «скотами». Эти выступления дали повод к зверскому обращению с пленными. Но вот и официальная, весьма красноречивая «инструкция для охраны советских военнопленных». Уже вводная часть предписывает руководствоваться следующими правилами: «Бдительность — самая высокая, внимание — самое большое, недоверчивость — самая строгая».

Дальше инструкция конкретизирует правила поведения охранников: «Следует, чтобы между каждым немецким солдатом и советским военнопленным существовала большая дистанция. Всякий разговор строго запрещается. Следует препятствовать всякому сношению между военнопленными и гражданскими лицами и, если потребуются, применять оружие против гражданских... Против малейшего признака сопротивления или непослушания следует действовать энергично и прямо; в случае необходимости нужно беспощадно пользоваться оружием. Мягкотелость, даже перед послушным и трудолюбивым пленным, показывает лишь слабость и не должна иметь места... Нужно постоянно сохранять дистанцию, которая позволяет немедленно применять оружие... При попытках военнопленных к бегству — стреляйте без предупреждения, немедленно, с полным желанием попасть в цель. Не должно быть произведено ни одного выстрела для зауличивания».

Гитлеровские мерзавцы послушно и охотно выполняют указания своих главарей. В лагерях непрерывно звучат выстрелы «с полным желанием попасть в цель». Тысячи беззащитных расстреливаются без всякого повода только за то,

что они советские люди. Тысячи и тысячи обречены на голодную смерть, на гибель от побоев, истязаний и надругательств. Да, фашистские изверги отнюдь не проявляют никакой «мягкотелости» по отношению к пленным!

Вот точные, проверенные факты о положении советских людей (военнопленных, стариков, женщин и детей) в концентрационных лагерях, расположенных в ряде городов, оккупированных и занятых немецкими войсками.

Минск. В лагерях среди военнопленных имеется очень большое количество гражданских лиц в возрасте от 15 до 45 лет. Обращение с ними такое же, как и с пленными солдатами. Советские командиры и политические работники были собраны отдельно; их судьба неизвестна.

Пленные красноармейцы, среди которых много раненых, остаются под открытым небом по пять-шесть дней, лишены воды и пищи. Среди живых лежат трупы умерших от ран или истощения. От времени до времени раздаются пулеметные очереди по собирающимся; это делается «для устрашения». При раздаче пищи пленные, которые спешат получить еду, расстреливаются немецкими солдатами; каждый раз охрана убивает по несколько десятков человек.

Нередко охрана лагеря «развлекается», стреляя из пулемета таким образом, чтобы пули пролетали на высоте одного метра от земли; все, кто не успеет лечь, бывают убиты. Каждый зачитанный на немецком языке приказ подкрепляется выстрелом; стреляют всегда в людей. (Как указывалось выше, инструкция так и предписывала: «Не должно быть произведено ни одного выстрела для запугивания».)

Часть пленных из минских лагерей отправляется в глубь страны. Путешествие сопровождается зверскими издевательствами. Проводники вагонов и охрана, снабженные специальными острыми пиками, наносят пленным мучительные раны. Тысячи людей, умерших в пути от ран и голода, выбрасываются из вагонов. Значительные группы пленных направляются в глубь страны пешком, их гонят безжалостно, как скот. Обочины дороги на Гродно и Вильно покрыты могилами пленных, погибших в пути от истощения. Выбившиеся из сил расстреливаются конвоирами.

Демблин. В лагере пленные настолько голодны, что едят траву. Когда прибывает состав с военнопленными, то из всех вагонов вытаскивают трупы погибших в пути. Людей, истощенных и слабых, расстреливают на месте, убивают прикладами или гранатами.

Киев. В окрестностях города немцы забрали всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, объявили их военнопленными и

поместили в лагерь. Между тем среди населения лагеря красноармейцев было не более 15 процентов.

Белишов. Прибытие новых военнопленных в лагерь представляет собой страшную картину. Они находились в пути восемь дней без пищи. Заключенные умоляли жителей дать им есть и пить, но приблизиться к поезду запрещено. Когда к поезду подали грузовики, то охрана, забавляясь, заставила пленных садиться в машины на ходу; несколько десятков запоздавших было немедленно расстреляно.

Беньяминов (около Зегрзе). Вся дорога к лагерю советских военнопленных усеяна трупами. Конвоиры безжалостно убивают всех отстающих. Чем ближе к лагерю, тем больше трупов.

Варшава. Вид советских пленных страшен: бледные, истощенные, разутые. Конвоиры все время подгоняют их ударами прикладов. Пленные падают от голода и усталости. Население бросает им продукты, сырой картофель; его поедают немедленно. Немецкие солдаты отгоняют местных жителей, стреляют в тех, кто пытается помочь советским военнопленным.

Белосток. Обращение с пленными бесчеловечное. Смертность среди них очень большая.

Фелюш. В лагере много советских женщин, которые также объявлены военнопленными. Расстрелы производятся ежедневно.

Тирасполь. Здесь в лагере было убито около 2 тысяч пленных. Расправа проведена немецкими солдатами совместно с эсэсовцами.

Бяла Подляска (между Люблиным и Львовом). Среди пленных — тысячи стариков, мальчиков и девочек в возрасте от 13 до 15 лет. Каждый день умирает от голода и болезней 200—300 человек.

Остров Мазовецкий. Опасаясь бунта военнопленных, немецкие власти полностью уничтожили весь прибывший сюда состав с пленными.

Подгешне (около Соколова). Лагерь форменным образом голодает. Дневной рацион состоит из 100 граммов хлеба и воды.

Сухожебри (около Шедльцы). Военнопленные сгруппированы в лагере отдельно: русские, украинцы, белоруссы, народы Азии, казаки и совсем отдельно донские казаки. Обращение с двумя последними группами самое худшее. Питание ужасное. Каждый день умирает от 45 до 50 человек.

Ковель. Физическое состояние пленных чрезвычайно плохое. Смертность от голода и болезней очень велика. Такое же положение и в лагере в Ровно.

Кароловка (около Замощ). Пленные живут в лагере под открытым небом. Ежедневно десятки людей умирают от голода. Многие едят траву. За два километра слышны стоны и крики: «хлеба!» Местные жители иногда приносят пленным пищу, но охрана немедленно стреляет в тех и других. Советские военнопленные, обязанные исполнять тяжелые работы, нередко падают от истощения и расстреливаются охраной.

Хеул Любельский. В лагере страшный голод. Дневная норма состоит из кусочка хлеба и суррогатного кофе. Но и это дают не всем. Ежедневно от голода умирает от 60 до 70 человек.

Пленные евреи расстреливаются немедленно после приезда в лагерь. Их заставляют копать себе могилы, связывают группами по несколько человек, ставят около могил и расстреливают из пулеметов.

Красныйстов (восточнее Люблина). В лагере советских военнопленных в одну ночь умерли от голода и усталости 70 человек.

Водава. В окрестностях городка бродит много русских военнопленных, сбежавших из лагерей, расположенных в Соколове и Бяла Подляска. Немцы устраивают на них настоящую охоту, травят собаками, стреляют, как дичь.

* * *

Доведенные до отчаяния невыразимыми истязаниями и голодом, военнопленные в некоторых лагерях устраивают побег. В этих случаях немецкие власти и охрана расправляются беспощадно и с пойманными беглецами и с оставшимися в лагерях.

Население оказывает помощь бежавшим. Узнав об этом, фашистское командование издало ряд приказов, угрожающих местным жителям жесточайшими карами за помощь советским военнопленным. Приказ коменданта Варшавы Фишера предусматривает смертную казнь, каторгу и коллективную ответственность целых общин за предоставление крова советским военнопленным, сбежавшим из лагерей. Такие же террористические меры приводятся в приказе генерального губернатора Польши. Длительные сроки тюремного заключения обеспечены каждому, кто даст пленному кусок хлеба или просто укажет дорогу.

Приведенные выше факты иллюстрируют, как бесчеловечно, с какой невероятной жестокостью фашистские злодеи обращаются с пленными.

Гитлеровские негодяи нагло и цинично попирают все международные законы о гуманном обращении с пленными. Фашистские мерзавцы сажают в лагеря, подвергают неслыханным надругательствам беззащитных жителей из захваченных районов, стариков, женщин, детей. Бандиты обрекают советских людей на голод, на муки, на смерть.

Нет и не может быть никакой пощады этим убийцам, именующим себя «носителями нового порядка». С фашистскими людоедами может быть только один разговор — языком свинца и меча.

«Правда» от 9 августа 1942 г.

Лагерь смерти

На западной окраине города Рославля, вдоль Московско-Варшавского шоссе, тянется огороженное несколькими рядами колючей проволоки пространство. Кругом него построено много вышек, на которых поставлены пулеметы и расхаживают вооруженные автоматами немецкие часовые. Это Рославльский лагерь военнопленных, лагерь смерти.

* * *

Факты не оставляют никаких сомнений насчет того, что гитлеровская клика, командование немецкой армии задались целью истребить всех пленнх. Этот вывод кажется невероятным. Нормальный человеческий ум отказывается его понять. И, однако, это так. Немцы разработали дьявольский план, составили и в массовом масштабе применяют продуманную систему мероприятий, чтобы истребить без остатка пленнх.

Одно из первых мест в этой системе принадлежит костлявой руке голода. Голод начинается с первого часа, с первой минуты плена. Как только красноармеец попадает в плен, его карманы и сумка очищаются от всего — от сахара, консервов, сухарей, табака. Это является всеобщей системой, не знающей исключения. В октябре 1941 года нам пришлось в районе города Спасс-Деменска наблюдать собственными глазами, как была дочиста ограблена колонна пленнх в 200 человек. Немцы не брезговали ничем. Это мародерство происходит на глазах офицеров и при их участии: более ценные вещи присваиваются ими, менее ценные — солдатами. Так же были ограблены пленные в районе Вязьмы, Минска, Витебска, Смоленска.

Колонна пленных, о которой мы упоминали выше, шла из района города Спасс-Деменска в Рославльский лагерь восемь дней, и в течение всего этого времени пленных ничем не кормили. Они питались попадавшимися по дороге капустными листьями, корнями, ржаными колосьями с неубранных придорожных полей. Воду пили из дорожных луж. Останавливаться у колодцев или просить напиться у крестьян строго воспрещалось.

В Рославль значительная часть пленных не пришла: истощенные и обессиленные, они не могли двигаться и пристреливались немецким караулом. То и дело сзади слышались выстрелы. Это пристреливали оставших. Эта картина этапа до лагеря является типичной. Она повторяется на этапных путях и в другие лагеря. В течение пяти дней — с 9 по 13 октября 1941 года — гнали колонну пленных в Дорогобужский лагерь. Колонну сопровождала машина, на которой были установлены четыре спаренных пулемета. По пути в одной из деревень под печкой сгоревшего дома пленные увидели полуобгорелую картошку. Около 200 человек бросились за ней. Из четырех пулеметов был открыт огонь прямо в толпу. Несколько десятков пленных погибло. По пути пленные бросались на поля с невыкопанной картошкой. Тотчас же открывался огонь из пулеметов.

В самом лагере два раза в день выдавали по пол-литра баланды (одна-две ложки ржаной муки с отрубями, разболтанной в литре воды) и один раз в четыре-пять дней — по 150—200 граммов хлеба на человека.

Раздача пищи организована самым издевательским образом. На несколько тысяч людей, среди которых большинство невоенные, а граждане, схваченные в городе, в деревнях и на дорогах и водворенные в лагерь для того, чтобы довести до нужных размеров количество «пленных», имеется всего три раздаточные. Колонны за пищей выстраиваются за час-полтора до начала раздачи. Сама раздача пищи продолжается в среднем четыре часа. Следовательно, в день надо затратить 10—11 часов для получения одной-двух ложек муки и в среднем 4 граммов хлеба. Все эти 11 часов приходится стоять (сидеть запрещено) под открытым небом в любую погоду, по икры в грязи осенью и в снегу зимой. Ясно, что подобный рацион при описанной системе его выдачи рассчитан на то, чтобы ускорить умирание организма.

Но, может быть, положение в Рославльском лагере исключение? Свидетельства десятков пленных, которым удалось бежать из лагерей, показывают, что в других лагерях еще хуже. Так, например, товарищ М. рассказывает, что пер-

вые 13 дней пребывания в Дорогобужском лагере вообще ничем не кормили, и большая часть пленных погибла.

Жестокий голод заставлял людей питаться всякими отбросами: капустными листьями, сырой картошкой, картофельной шелухой, сырыми лошадиными сухожилиями, отдираемыми от валявшихся на свалке конских костей. Голодное безумие охватывало некоторых пленных. Они выкапывали из земли червей, пекли в золе украдкой разведенных маленьких костров и ели.

Голодные кровавые поносы, тиф и другие болезни — следствие истощения и употребления в пищу отбросов — являются неизбежным результатом тяжелого голода. Мучительная смерть завершает страдания наших братьев в фашистском плену.

* * *

Второе место в системе мероприятий, разработанных фашистами для истребления пленных, принадлежит холоду. Холод завершает дело, начатое голодом. Кожаная обувь, шинели, валенки, тулупы, варежки — все является предметом грабежа. Зимой, в лютые морозы, у всех попавших в плен снимали валенки и ничего не давали взамен.

В самом лагере в Рославле есть несколько барачков. Большинство из них полуземляночного типа, с земляными полами, расположенными ниже уровня земли. Надземные и подземные воды заливают эти бараки, и в октябре 1941 года полы в них представляли собой грязное месиво, в котором ноги вязли по щиколотки. Никаких нар, досок или соломы нет, и пленные вынуждены ложиться прямо в грязь. Зимой пол представлял собой ледяную поверхность, покрытую навеванным и нанесенным ногами снегом. Ветер свободно гуляет по этим барачкам, так как крыши располагаются на столбах и не доходят до земли.

Два барака с каменными полами бралась с бою. Каждый день там было несколько задавленных. Людей напихивалось туда, как сельдей в бочке. Живая стена пленных качалась из стороны в сторону. Ослабевшие сердца многих товарищей не выдерживали. Спрессованные безжизненные трупы качались, как живые, в массе живых и утром падали на пол, не поддерживаемые более телами своих живых пока еще товарищей.

Ни один из барачков не отапливался. Костры разводить запрещалось, да и не из чего было. В октябре все пленные без исключения были до нитки мокрые. Просушиться было негде. Ветер пронизывал до костей. Зимой люди замерзали

десятками ежедневно. Это была мучительная казнь плен-
ных.

Не представляло никаких трудностей отеплить и ото-
пить бараки. Сотни и тысячи крестьян готовы были привезти
дрова. Фашистские изверги не делали этого сознательно.

В Дорогобужском лагере вообще никаких бараков нет.
Было два сарая человек на триста, но и они рухнули, при-
давив несколько десятков человек. Пленные находятся там
под открытым небом.

* * *

Третье место в дьявольском плане истребления пленных
занимает ужасная, неопишуемая антисанитария. Пленных в
баню не водят, белье не стирается, не меняется, не дезин-
фицируется и истлевет на плечах. Лагерь представляет со-
бой настоящую клоаку. Он никогда не чистится и не уби-
рается. Во всем лагере, вмещающем вместе с «пленными» из
мирного населения несколько тысяч человек, нет ни одной
колонки, ни одного колодца. Осенью люди пили грязную
воду из луж, усеявших лагерь, зимой ели грязный снег и
сосали лед. В лужи, образовавшиеся в более низких местах
и во впадинах, стекают нечистоты со всего лагеря. Кишащая
миазмами вода, в которой моют картофельную шелуху и
гнилое мясо лошадиной падали, отравляет своим ядом по-
головно всех.

В некоторых местах были выкопаны отхожие ямы. Но
страдающие голодным кровавым поносом часто не успевали
достигать этих ям, и кровавые испражнения покрывали весь
лагерь.

Трупы умерших подолгу валяются необранными в бараках
или под открытым небом, в грязи. В первый же день прибы-
тия в лагерь нам попался раздетый труп, полуутонувший в
грязи возле одного барака, такой же труп возле другого,
два трупа в третьем бараке; возле них лежали без сознания
и умирали еще два человека.

* * *

Четвертым палаческим приемом массового убийства воен-
нопленных являются избивания, пытки и расстрелы. Избивают
палками, нагайками, прикладами, избивают до потери созна-
ния по всякому поводу и без всякого повода. Не стал во-
время в колонну за баландой и пытается стать в очередь
или стоит в колонне и высунул на три сантиметра — полу-
чай палкой по голове; не так проворно прошел от раздаточ-
ной — получай нагайкой по глазам; показалось немцу, что

ты неприязненно посмотрел на него или близко подошел к колючей проволоке, — получишь пулю в лоб.

Пленные расстреливались везде и в массовом порядке — на этапных путях в лагери, на дорогах, в деревнях. На Мглинском большаке, соединяющем города Рославль и Мглин, можно было видеть много трупов красноармейцев, расстрелянных немцами. На дороге Ельня — Смоленск, на кладбище одной из деревень, можно было видеть много расстрелянных конвоем ослабевших от голода пленных красноармейцев. Их трупами были заполнены три ямы шириной в три метра и длиной в пять метров каждая. Крестьяне уже второй день возили трупы с дороги.

В Михайловском хуторе, Черниговской области, 6 ноября 1941 года немцы сожгли два барака, наполненных заболевшими тифом красноармейцами.

* * *

Нам приходилось наблюдать пленных на различных работах на дорогах и в городе: на очистке дорог от снега, на возке воды, разборке домов. Истощенные, бледные, с изможденными лицами и ввалившимися глазами, колеблемые ветром от слабости, подталкиваемые прикладами конвоя, они впрягались вместо лошадей в сани и тащили непосильную для них тяжесть. Многие падали и не были в состоянии подняться. Они пристреливались из винтовки или прикалывались штыками.

* * *

Особо черную страницу зверских издевательств фашистов над пленными составляет обращение их с ранеными. В Рославльском лагере раненые занимают два каменных корпуса. Стекла в них выбиты, оконные отверстия забиты фанерой и досками. Корпуса не отапливались ни осенью, ни зимой. Раненые испытывают такой же тяжелый голод, как и «здоровые». До декабря иногда давали конину, затем и это было сочтено излишней роскошью. Врач С. Н. Африканова рассказывала, что раненые жестоко страдали от жажды. Удавалось доставать, и то с большим трудом, по одной-две столовые ложки воды в сутки только для тяжело раненных. Запекшиеся губы трескались, от жажды распухали языки. Медицинского обслуживания нет, медикаменты и перевязочный материал отсутствуют. На палату со 160 ранеными дают два биита в день. Перевязки не делаются по месяцу. Когда снимают повязку, раны оказываются наполненными червями, которые выбираются пригоршнями. Отмороженные конеч-

ности представляли собой черные обрубки, мясо и кости отваливались черными кусками. У многих конечности отморазивались тут же в палатах. Иода для оперируемых нет, его заменяют глизолом. У лейтенанта Бондаренко оперировали ступню, потом, так как неделями не делали перевязок, отрезали ногу до колена, потом отрезали всю ногу до туловища, и в конце концов он погиб. Раненые гнили заживо и умирали в страшных мучениях. Многие умоляли, чтобы их пристрелили и тем избавили от страданий.

Запах гниющего мяса, трупный смрад неубранных мертвцов наполняют палаты. Раненых не моют, белье не стирают и не меняют, дезинфекции не производят. В результате раненые вшивеют. Когда снимают лубки и повязки, в них кишмя кишат вши.

* * *

Таковы палаческие методы истребления пленных фашистскими разбойниками. Извергам человеческого рода есть чем похвалиться в убийстве безоружных людей. Тут их «доблесть» проявлена в полной мере. Смертность в лагере от голода, холода, болезней и расстрелов достигала 3—4 процентов в день. Это значит, что за месяц весь состав пленных вымирал. За два с половиной осенних месяца—октябрь, ноябрь и часть декабря—вместе с гражданскими пленными, составлявшими большинство, в лагере умерло 8 500 человек, то-есть больше 100 человек в среднем в день. В зимние месяцы ежедневно умирало от 400 до 600 человек. Ежедневно 30—40 длинных дрог грузилось трупами умерших и замерзших. В штабелях трупов, складывавшихся, как дрова, возле барачков, были и живые. Часто в этих штабелях двигались руки, ноги, открывались глаза, шептали губы: «Я еще жив». Умиравших хоронили вместе с мертвыми.

Ненависть рождает действие. И действия пленных не заставили себя ждать. Началось массовое бегство. Бежали все, кто только мог, даже раненые, не могли бежать лишь тяжело раненные и истощенные, ослабевшие от голода. Стремление к бегству было органически связано с другим стремлением—вооружиться, вооружиться, чтобы бить гитлеровцев.

Партизан Г.

«Правда» от 16 сентября 1942 г.

— 2 1 АПР 1943

СОДЕРЖАНИЕ

Илья Эренбург. Немец	3
Николай Тихонов. О немецком садизме	8
Зольтан Вейнбергер. Изверги	13
Партизан Н. К. Смерть Лиды Панковой	15
Валерий Пушкин. Елена Хомич	16
Елена Кононенко. Девочка в беседке...	21
И. Беляев. Сильнее смерти	23
Ал. Исбах. Сын партизана	26
Борис Войтехов. Седой мальчик	28
А. Исбах, Л. Плесакачевский. Трагедия в деревне Мотосово	31
Я. Цветов. Побужская трагедия	32
Чудовищные издевательства фашистских мерзавцев над советскими людьми	37
Партизан Г. Лагерь смерти	42

Редактор В. Игнатьева

Подписано в печать 24 марта 1943 г. Заказ № 930. Объем 3 п. л. А 346.
Тираж 50 000 экз. Цена 1 рубль.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига»,
Москва, Краснопролетарская, 16.